

Анна Грэм

ОДНА ЛЮБОВЬ

Она способна творить чудеса. Способна
сделать нас по-настоящему счастливыми,
помочь осуществить все наши мечты

Анна Грэм

Одна любовь

«Издательские решения»

Грэм А.

Одна любовь / А. Грэм — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905024-3

Как часто мы мечтаем встретить ту единственную любовь, которая заполнит все наше сердце, разум, волю, наполнит жизнь смыслом, подарит надежду, радость, придаст силы? Любовь человеческую, но все же бесконечную, безусловную, которая никогда не изменится, не предаст и не обманет. Пожалуй, последнее — самое ценное. Но в реальной жизни... разве это возможно?.. Роман «Одна любовь» дает импульс мечтать и следовать за Богом в исполнении своей мечты, ведь только Ему известен путь, и Он никогда не подведёт.

ISBN 978-5-44-905024-3

© Грэм А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Одна любовь

Анна Грэм

Редактор Алексей Шейн

© Анна Грэм, 2019

ISBN 978-5-4490-5024-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Спасибо моему драгоценному мужу за безусловную любовь и радость, за возможность быть собой и следовать за призванием в моем сердце. Рядом с тобой мои мечты становятся явью, и я смело продолжаю мечтать. Ты – любовь всей моей жизни.

Спасибо нашим детям. Вы – мое благословение, сила и лучшая мотивация. Эту историю я создавала с мыслью в вас. Она вполне могла бы быть реальной. И, возможно, где-то вы увидите ее отражение. Но именно так я услышала ее в своем сердце и, надеюсь, она отзовется в ваших сердцах исполнением главной мечты и заветных желаний. Во мне горит неугасаемым огнем любовь ко всем вам и вера в лучшее, что есть в каждом из вас.

Спасибо моему отцу за безграничную веру в меня. За твое сильное, щедрое, исполненное неподдельной любви сердце. Ты – лучший отец, за что я бесконечно благодарна.

Спасибо моим друзьям – Анжелике Бельбердиной за идеи, заинтересованность, веру и готовность прийти на помощь;

Анне Козак, Марине Григорьян, Анне Стартцевой и Елене Падун за отзывы, поддержку и вдохновение на каждом этапе создания книги.

Посвящаю маме, ангелу в моей жизни.

Каждый день, глядя в небо, я вижу твои глаза. Я люблю тебя, мама.

«Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра...»

(Третья книга Царств 19:11—12)

Глава 1

...Тихо, как всегда, я закрыла дверь спальни на защелку, опустилась на колени у кровати и начала молиться.

Это была обычная молитва перед сном, но в тот день я произносила ее с таким отчаянием и болью в сердце, что, казалось, не могла дышать. Слезы струились по моим щекам, я беззвучно плакала и надеялась, что Он услышит меня... услышит и ответит.

– Дорогой Господь, только у Тебя я могу попросить это... чтобы моя жизнь была не такой, – слезы еще сильнее сдавили горло. Я опустилась на корточки, закрыв лицо ладонями и зарыдала, – прошу Тебя...

Я знала, что могла Ему доверять, ведь «Он верен», и в Нем «нет ни тени перемены», а значит, Он меня не обманет. И знала, что Он слышит мои молитвы. Его Книга научила меня: Он даст мне то, что я попрошу с верой у Отца во Имя Его Сына.

Рыдания постепенно превращались в истерику, и я уже тихо кричала, шевеля одними губами, опасаясь разбудить родителей...

– Ты же знаешь, как я хочу, чтобы у меня была семья... настоящая. И если мне суждено когда-то это все иметь... мужа, семью, детей... то пусть она, моя семья, будет другой...

Однако я не знала, какой она должна быть. Вокруг не было примеров, чтобы можно было сказать: пусть будет такой, как у тех, или у этих... Я вообще такой семьи не видела, но... отчаянно и страстно верила, что так может быть... хотела, чтобы так было...

– Семья... – прошептав это слово, я горько улыбнулась. – Разве она у нас есть? Да и что это вообще такое, Господи? Зачем она нам нужна?

Жизнь моих родителей была разной, но я больше всего запомнила ее напряженной и разделенной. Я никогда не ощущала, что они были едины. И хоть они часто, по очереди, говорили мне, что любят один другого, я старалась им верить, но совсем не понимала такой любви.

Все, что я знала в то время, – это ссоры, унижения, оскорбления, бесконечные горести и обиды. На ум приходили различные семейные сцены и события последних дней в нашем доме. Они были похожи друг на друга. Снова и снова моя мечта натывалась на непреодолимую стену реальности, и сомнение закрадывалось в сердце.

В тот день, стоя на коленях, я подумала, что будет лучше, если я вообще никогда не выйду замуж... Я не хотела так страдать, но хотела любить, надеяться и верить. И, отмахнувшись ото всех тревожных мыслей, как от назойливых мух, я стала молиться еще усерднее:

– Но если, Господи, на то Твоя воля, чтобы, забыв обо всем: страхах, сомнениях, боли – я решилась создать семью, прошу Тебя об одном, только об одном...

Я сжала пальцы так сильно, что заболели руки, и, еле шевеля губами, произнесла:

– ...прошу, чтобы мой муж любил меня... так искренне и честно, как хотел бы Ты, чтобы он любил меня. И чтобы он никогда, никогда-никогда, слышишь, не лгал мне, не изменял. Только этого прошу: жизни без обмана. Пусть будет он, Господи, не богат и не столь уж красив, даже не хочу, чтоб он был так красив, как мой папа, но чтобы любил Тебя и был честен со мной, – слезы заглушали мои слова, а боль заглушала веру, но надежда цеплялась за то, что Бог сказал, а Он, как мне было известно, не изменяется, и Его слова вечны.

Почти всю ночь я лежала на кровати, то уставившись в потолок, то ворочаясь с боку на бок. Беспокойные мысли не давали мне уснуть. Я не хотела, чтобы моя жизнь прошла точно так же, как и у многих, так же, как и у моей мамы.

– Зачем тогда вообще жить? Чтобы только мучить себя и других?.. – задавала я себе один и тот же вопрос, и снова ловила себя на мысли, что должна верить, отбросив все сомнения. Более того, я хотела верить, я отчаянно в этом нуждалась.

...Проснувшись в тот день утром, я ощутила сильную, давящую боль в сердце... Она усиливалась снова и снова. Давило в груди, болела спина, а левая рука немела. Мне стало тяжело дышать. Приподнявшись на подушке, я стала растирать руку. От резкого движения виски сдавило как обручем, и вслед за этим я почувствовала пронзительную боль в голове. Нервы, нервы... Когда же это кончится?..

Выбравшись из-под одеяла, я добралась до кухни, нашла в холодильнике недоеденную плитку шоколада и облегченно вздохнула. Вот оно, мое спасение.

– Доброе утро, сладкоежка, уже точишь шоколад, – в столовую вошла мама. Она собиралась на работу. Настроение, у нее, казалось, было хорошее. Хотя у нее всегда было хорошее настроение, даже если оно было плохое. Мама умела улыбаться посреди самых сильных бурь, чтобы не создавать проблемы другим. Чего не скажешь обо мне.

– Привет, мам... да голова просто разваливается, а ты же знаешь, что он мне помогает, – я виновато посмотрела на нее и проглотила кусочек черного шоколада.

Я не стала говорить ей о том, что у меня участились боли в сердце. Хватит с нее и моих головных болей. Да и потом, может быть, это и не сердце вовсе, а, как говорят, просто отложение солей. Болит-то в груди и под лопаткой... Да, наверняка соли. Хотя откуда им взяться в моем возрасте?

– С этим надо что-то делать. Так ты себя совсем изведешь, милая. Ты ходила к врачу вчера? – мама достала косметичку из сумочки, висевшей на дверной ручке в столовой, и принялась за утренний макияж.

– Да, в общем, не понимаю, как мне помогает шоколад, но помогает. Давление 155 на ... не помню нижнее. Доктор сказала, что при моем 110 на 70 – это многовато и настоятельно рекомендовала побольше отдыхать, но... – я села на стул возле мамы и уронила голову на руки.

– А ты опять всю ночь писала, да? Или... ты что, плакала, солнышко мое? – вдруг мама заглянула мне в лицо. Не в силах прятать от нее взгляд, я подняла глаза.

– Ты плакала. Ах, Лиза, ну что случилось? – она казалась встревоженной и обеспокоенной.

– Не знаю, мам, я, наверное, очень устала. А еще столько впереди... Нужно много всего сделать. И мне так страшно, – слезы снова полились из глаз. – Я полночи писала, а получился полный бред...

– Ну-ну, перестань, у тебя все получится, ты все сделаешь, я просто не сомневаюсь в этом. Ты же лучшая, ты знаешь об этом, – мама нежно потрепала меня за щеку. – И я люблю тебя независимо от того, что ты сделала. А кроме всего этого, ты же веришь, что Он тебе поможет, ведь так? – ее голос звучал так успокаивающе и твердо, что мне стало неловко за такое мрачное настроение.

– Да, знаю, мам, просто столько всего навалилось, да еще и... он. – Я еле заметно кивнула в сторону зала, откуда доносился храп спящего отца.

– Не бери в голову, о нем тебе следует думать сейчас меньше всего. У тебя другие задачи, а с ним все будет хорошо. Угу? – она улыбнулась так, словно старалась поделиться своей улыбкой со мной. И мне ничего не оставалось, как улыбнуться, глядя на ее чудесное лицо со смешной гримасой и сморщенным носиком.

– Ладно, беги умываться, пора собираться в школу.

Задвинув стул, я убежала в ванную, а мама принялась готовить нам завтрак – чай и бутерброды. Как же я любила мамины бутерброды! И как же сильно любила ее... Мне было абсолютно непонятно, как отец не замечал всего прекрасного, что она для нас делала, и «любил» ее так странно, слишком уж по-своему... И потребовались годы, чтобы я смогла понять и увидеть его сторону, почувствовать его боль и увидеть причину такого падения в его жизни.

Тогда же я была просто уверена, что моя мама заслуживала лучшего человека рядом и большего к себе уважения. А мама всегда твердила, что, несмотря ни на что, он – ее муж, мой отец и единственный мужчина в ее жизни.

Мне оставалось только принимать ее решение, но я по-прежнему считала, что в чем-то она ошибается. Впрочем, подобное отношение к семье и мужу было распространено среди ее знакомых и друзей – они терпели все: измены, пьянки, ругань, только чтобы сохранить семью или то, что они называли семьей. И я устала смотреть на них в поисках своего совершенства.

Иногда я думала, что смогу найти пример идеальной семьи и отношений среди моих друзей, людей моего поколения. И это давало какую-то новую надежду.

Школа, как всегда, встречала меня визгом первоклашек, носящихся на улице. Кто-то уже пытался чертить «классики» на асфальте, а кто-то сражался в прыжках в «резиночки». Ах, мне никогда не удавалось прыгнуть высоко в этой игре. Может быть, мне не удастся допрыгнуть и до моей цели?..

«Глупости, – сказала я сама себе и перекинула свой кожаный рюкзак на другое плечо, – какое отношение имеют эти игры к моему будущему? НИ-КА-КО-ГО!» – Я перевела взгляд на ребят, которые в поиске «острых» ощущений прятались за углом школы. Они по очереди закуривали сигареты и так же по очереди кашляли, в то время как ребята постарше смеялись над ними и подначивали. Я покачала в недоумении головой и открыла школьные двери.

– Ну и тяжелые!

В коридоре была все та же знакомая картина: визжащие малыши, бегающие наперегонки; малолетние драчуны, которых по коридорам разнимают дежурные; и юные красавицы, прилипшие к зеркалам.

– Привет, Лиза, – я не заметила, как ко мне подбежала взволнованная девушка из 10 класса. Ее глаза горели, и по ее виду я поняла, что она собирается сказать мне что-то важное.

– О, привет, Кристина. Как дела?

– Ты уже слышала новость?

Я удивленно пожала плечами. Сама новость не так сильно меня волновала, как тот факт, что Кристина сейчас захлебнется, торопясь сообщить мне ее. Мы никогда не были подругами, но вместе посещали танц-класс, а значит, я автоматически попадала в какую-то группу, которая должна была знать все новости первой.

– Димка бросил Ольку! Просто взял и ушел, представляешь! – тут она сделала сочувствующее лицо, а я непонимающе смотрела на нее.

– Какую Ольку, какой Димка?

– Да ну что ты! Ну те, которые в прошлом году поженились, м-м, – при этом она многозначительно вытаращила глаза и начертила что-то в виде шара в области своего живота, а потом все это смахнула и сплюнула через левое плечо.

– Так, ритуал закончен, расскажи все спокойно. Будь уверена, ты принесла эту новость первой, – я старалась понять, в чем дело, но, похоже, что и так уже все понимала. Только боялась осознать происходящее.

– Хорошо, слушай. Ольга, ну ты помнишь, вся такая красавица, умница. Они с Димкой – он на четыре года ее старше и был тогда уже на втором курсе, – так вот, они познакомились на дискотеке или где-то там, неважно... – она, похоже очень торопилась дойти до сути, но, в то же время, ей хотелось посмаковать детали. Поэтому я решила ей помочь.

– Кристина, давай, по сути, скоро звонок, – я указала на дежурного, который стоял, прикипев рукой к звонку и пристально глядя на часы.

– Тебе что, не интересно? – она готова была обидеться из-за моего непонимания, но желание поведать новость было сильнее. – Так вот, роман был, ты помнишь, на зависть всем. Она

строила из себя недотрогу, а потом опа, и «залет». – Кристина захихикала и заговорщически подмигнула мне. – Олька и на выпускной в девятом уже с животиком пришла. Я-то уж точно знаю. Потом такая свадьба была, прямо все плакали от красоты неземной, – тут она демонстративно закатила глаза и помахала рукой, словно веером, у своего лица.

– Кристина, вы же были с ней подруги не разлей вода, как ты можешь так?

Она не дала мне договорить. Кажется, Кристина не ожидала такой реакции на свои слова.

– А что? Это же она с ним спала, пусть теперь и расхлебывает. Тоже мне принцесса нашлась, строила из себя самую крутую, вот и получила. Хвасталась тут, какой у нее парень, какие цветы дарит... А теперь он бросил ее с ребенком! Она с родителями осталась, а он в свой институт укатил. Там таких красавиц пруд-пруди, нужна она ему теперь. Ну, будет навешиваться к сыну, и все. Вот так. А ей теперь прямая дорога в «бурситет» наш занюханный, в ПТУ. Куда она еще поступит, с малышом-то? Толку теперь от ее мозгов и «пятерок»?

– Ой, я побегу, а то еще... – она махнула мне и убежала так же быстро, как и появилась.

– Да... увидимся... – сказала я почти шепотом, продолжая стоять неподвижно. Раздался звонок, который ножом пронзил меня и вернул к реальности. Встряхнув головой, я помчалась на первый урок.

Вбежав в класс, я с облегчением поняла, что учитель еще не пришел. Бросив на парту рюкзак, я принялась доставать учебники. Да, мой рюкзак вызывал немало зависти девчонок – красивый, стильный, кожаный. Здесь такого не найдешь. Я купила его в Питере год назад, когда ездила погостить к папиному брату. Но сейчас рюкзак занимал мои мысли меньше всего. Я остановилась на мгновение и задумалась. Мне показалось тогда, что молодежь там, в Питере, совсем другая, заинтересована в чем-то, живая, что ли. А что интересует наших мальчишек и девчонок из маленького провинциального городка?

Я подняла взгляд на класс: кто-то кому-то в очередной раз «моет косточки», кто-то целуется, кто-то просто спит на парте, но есть такие, кто занят учебой. Они в этот момент скатывали у кого-то домашнее задание.

– Ну, хоть не всем еще безразлично, – пробормотала я себе под нос.

Я села за парту и уставилась в окно. Перед моим взглядом раскинулся все тот же двор школы, где, несмотря на прозвеневший звонок, по-прежнему бегали, курили, шли, романтично обнимаясь.

За последний год в нашем городке было много случаев, когда отношения между парнем и девушкой заходили слишком далеко, но затем оказывались никому не нужными. Девчонки пятнадцати-шестнадцати лет создавали семьи с тем, кого считали забавным, прикольным, с кем было весело на дискотеке и кто вызывал зависть подруг. А потом, едва успев закончить девятый класс, они меняли подгузники, в основном, в одиночку...

– Ох, как страшно и жутко, даже думать об этом не хочется, – я закрыла лицо ладонями, а затем привычно потерла виски. Голова болела не переставая. Даже шоколаду сегодняшняя боль оказалась не по силам.

«Что же двигало этими девчонками? Почему их ничто не смогло остановить?» – задавала я сама себе терзавший меня вопрос, по-прежнему разглядывая школьный двор.

Ведь среди этих девчонок были умные, целеустремленные девушки, с амбициями и мечтами. И теперь эти мечты им пришлось отложить надолго, если не навсегда. Почему же они не смогли справиться со своими чувствами или направить их в правильное русло?.. Всякий раз, думая об их судьбе, я благодарила Бога, что Он защитил меня от подобных поступков.

– Ах, Господи, защищай меня, прошу и дальше. Не хочу так, не хочу, – прошептала я беззвучную просьбу одними лишь губами.

Я посмотрела на девчонок в классе. Многие мои подруги уже стали неразборчивы в связях и отношениях, некоторые делали аборты. Говорят, когда приходит страсть, то она сжигает

все на своем пути, ей подвластны и разум, и воля человека... Они не смогли устоять, как же я могла быть уверена, что устою? Да и что такое страсть?

Мне знакома была лишь страсть к моей мечте, и, если можно так же сильно желать близости с человеком, то это страшно...

Вдруг кто-то дернул меня за руку, прервав мои размышления.

– При-и-и-ве-е-ет... – голос звучал игриво. – Зову тебя уже полчаса! Ты что, уснула тут, Лиз?

Ко мне под села соседка по парте – веселая и живая девчонка, которую тоже звали Лиза. Она стала рассказывать, как проспала сегодня в школу после вчерашней дискотеки. Лиза с друзьями часто звала меня пойти туда вместе, но я отказывалась под любым предлогом. Побывав на дискотеке единственный раз на свой день рождения в шестнадцать лет, я поняла, что это место не для меня.

– Слушай, зря ты не пошла... Мы вчера так классно оторвались, с такими парнями познакомились, а потом еще в кафе вечером с ними поехали. Короче, вернулись под утро. Ну зато впечатлений масса!

– Сколько же вы денег вчера потратили – такси, кафе? – Я пыталась представить себе, как она смогла уболтать свою маму, чтобы та дала ей столько денег. Лизина мама работала учителем музыки в детском саду. Милая, добрая и приветливая женщина. Меня всегда удивляло, что она могла найти в своем странном муже, который, казалось, лет на десять был младше ее самой и никогда не имел постоянной работы. И по Лизиним рассказам я знала, что с деньгами у них всегда было туговато.

– Ты что, шутишь? – она залилась звонким, как колокольчик, смехом. – А пацаны на что? Говорю же, с классными парнями познакомились, – подруга старалась прояснить картину, но я все равно до конца не понимала, или... не хотела понимать.

– И?... – я уже неохотно поддерживала наш разговор.

– Ну что?... Поцеловались пару раз, наобещали им кучу всего, что встретимся еще, и все... Зато классно потусовались! – она посмотрела на меня и поняла, что я не разделяю ее радости. Мое лицо по-прежнему выражало недоумение.

– А Игорь как же? Вы с ним расстались?

Игорь был ее парнем, но отношения у них были довольно запутанные, сложные, а порой и странные. Они, если можно было так сказать, встречались уже почти два года, но в промежутке появлялись вот такие забавные для нее ситуации, от которых он был сам не свой. Для меня оставалось загадкой, зачем он все это терпит. Но правда в том, что все посеянное нами в том или ином смысле, вернется к нам обязательно.

Их беспорядочные отношения привели к тому, что (как мне стало известно уже семнадцать лет спустя) Лиза забеременела в последних классах школы, и под натиском родителей была вынуждена прервать эту беременность. Появившийся спустя много лет другой ребенок от уже законного мужа стал сосредоточием ее любви и страха на долгие годы. Однажды она вспомнила о том, что еще за школьной скамьей я старалась быть для нее проводником ко Свету Христа, показывая различные места из Библии и поясняя, как они работают, проявляя любовь в деле. Поступок многолетней давности не давал ей возможности вздохнуть полной грудью и перестать опасаться за жизнь родившегося ребенка. Она отыскала меня, чтобы узнать, может ли она найти утешение у Отца и снова обрести надежду... И, конечно же, обратившись к Богу, она нашла то утешение, которое искала.

Но тогда, в классе, Лиза была шумная, самоуверенная и совсем беззаботная.

– Нет, я ему сказала, что мы с тобой решаем задачи у тебя дома. Ты же умница в плане учебы и всегда дома сидишь, поэтому вопросов у него не будет ни-ка-ких, – она самодовольно закатила глаза и развела руками, а потом добавила. —Так что смотри, не сдай, подруга.

– Вот класс, ты и меня впутала! – я была возмущена до глубины души. – Да не хочу я его обманывать, он хороший парень и любит тебя, Лизка, зачем ты так?

– Да ладно тебе, не будь ты такой правильной! Я ему чем-то обязана, что ли? И потом, ничего не было, просто хорошо провели время. – Ее радостное настроение понемногу поутихло, и она, похоже, уже начинала сожалеть, что рассказала мне о своих приключениях.

В класс вошел высокий коренастый мужчина лет сорока, с красивыми и правильными чертами лица. Это был учитель алгебры и геометрии, и мы все встали и приветствовали его. Несколько лет назад он попал в автокатастрофу, поэтому слегка прихрамывал и на щеке и шее справа у него остался большой шрам. На мой взгляд, это придавало ему большей мужественности, даже привлекательности. Однако многие ученики нашей школы видели лишь то, что снаружи, и прозвали его Жофреем, под влиянием бума на «Анжелику».

Его жена была директором нашей школы. Милая миниатюрная женщина, с коротко стриженными каштановыми волосами. Иногда я удивлялась, как такой хрупкой женщине удается справляться с целой школой. Она, действительно, была достойна восхищения. А еще она была мамой моего друга Романа. Несмотря на всю её миниатюрность и привлекательность, я всегда испытывала страх в присутствии этой женщины. Мне становилось не по себе и бросало в холод..

Я напрочь забыла о недавнем разговоре с Лизой и полностью погрузилась в записанный на доске пример решения типичной задачи по геометрии, как вдруг ощутила легкий толчок локтем в бок и увидела перед собой листок бумаги:

– «Не сдашь меня?» – еле разборчиво нацарапала простым карандашом Лиза.

Отрицательно покачав головой, я показала ей на доску, дав понять, что сейчас нам лучше думать о другом. Но она, похоже, не спешила со мной соглашаться. Спрятавшись за спиной сидящей перед ней одноклассницы и поставив сумку на стол прямо перед собой так, чтобы не было видно, чем она занимается, Лиза достала пилочку и принялась подпиливать ногти. Я вопросительно посмотрела на нее. Она небрежно махнула рукой и прошептала:

– Всех задач до экзамена всеравно не перерешаем. Ты видела, сколько их там, в сборнике? Что-нибудь напишем.

Пожав плечами, я снова погрузилась в задачу, отметив для себя, что из-за этой болтовни пропустила один из важных моментов в решении, и теперь придется позже простить учителя пояснить мне его.

Уроки закончились быстро: разобрали билеты по истории, провели консультацию по написанию сочинения и... по домам. Голова просто разваливалась от боли и напряжения. Собрав кипу учебников со стола, я поспешила домой.

Переступив порог квартиры, я опять почувствовала, что хочу бежать отсюда куда угодно. Только бы не здесь, только бы не с этим человеком. Всем телом ощущала тот особый и странный дух, который витал в нашем доме в последние годы. Мне казалось, что это дух зла, раздора и ожидания какого-то ужаса...

Осторожно и беззвучно прокравшись в свою комнату, я взяла учебники, конспекты по языку и пошла в парк детского сада. Он был через дорогу от нашего дома. Хорошо, что пришла весна, и можно было насладиться пением птиц, шелестом ветра, смехом играющих детишек. Как же я завидовала им порой, осознавая, что уже не помню, когда смеялась сама так весело и звонко, так радостно и беззаботно. Их смех согревал мое сердце, и я начинала думать, что, может быть, для меня тоже осталась хоть какая-то надежда на счастливое будущее.

Иногда я просто слушала природу, и, разумеется, делала домашние задания. Ведь дома мне редко удавалось сделать их тихо и спокойно, а впереди – экзамены. И я должна была заработать эту медаль! Хотя бы ради мамы. Она так радовалась моим успехам, будто они были ее собственными. Впрочем, она была недалеко от истины. Все, что есть во мне, – заложено ее

любовью, терпением и безграничной верой в меня. Часто она говорила, что в ее жизни есть одна единственная радость – это я. Каждый день мне хотелось сделать для нее что-то особенное, чтобы умножить эту радость.

Сидя в парке и наблюдая за резвящимися детьми, я тихо вздыхала, представляя, сколько еще нужно сделать, чтобы подготовиться к экзаменам. А потом принялась за чтение «Собора» О. Гончара. Я перечитывала эту книгу уже во второй раз. Мне нужно было написать отличное сочинение, а для этого необходимо разобраться с образами, проследить их в каждой реплике, в каждом диалоге, движении, вздохе.

«Мое сочинение просто обязано быть лучшим – особенно то, которое я буду писать на экзамене!» – убеждала я саму себя, углубляясь в чтение романа.

Конечно, мне же предстояло не только сдавать экзамен по языку и литературе, но, похоже, и соревноваться с учителем, чья дочь Даша тоже шла на «золото». Ни для кого в нашем классе не было секретом, что львиную долю ее сочинений они писали вместе с мамой дома, а потом на весь класс звучали торжественные слова учителя:

– У Дуси «отлично-отлично», вот как нужно излагать свои мысли!

Лицемеры. И ведь хватало же наглости! А еще, если Дуся вдруг в школу не могла прийти по причине головной боли или насморка, мама надиктовывала ей диктанты дома, в то время как все остальные писали их в классе. Противно и обидно... Но что об этом зря думать? Это ничего бы не изменило, во всяком случае, для меня. Мне предстояло пахать и пахать. Впрочем, как и все эти одиннадцать лет... Одиннадцать лет учебы на «отлично». Мама очень гордилась мной. Каждый мой успех – это новый повод для ее радости. А я хотела, чтобы она радовалась как можно чаще. А еще, как я верила, это приблизит день осуществления моей мечты. Что ж, мне просто необходимо было заработать эту медаль. И я знала, что получу ее!

Взглянув на часы, я поспешно вскочила с детского стола на игровой площадке и побежала встречать маму с работы. Завернув за угол, я спустилась по дороге, и остановилась в самом конце аллеи, ведущей к магазину, откуда лучше всего было видно маму, когда она шла домой.

– Да уж, – буркнула я себе под нос и улыбнулась краем губ, – по этим людям можно сверять часы.

Ровно в 17—00 все сотрудники единственного крупного предприятия в нашем городке вывалили на улицу из двухэтажного административного здания. Здешние жители всегда считали, да и сейчас так считают, что работать на этом госпредприятии (будь то в шахтах или на поверхности, не говоря уже об административном здании) – это верх престижа, а для кого-то и верх мечтаний. Моя мама тоже работала там, а когда-то работал и отец. Но я никогда не хотела быть зачислена в штат этого предприятия.

«Нет, никогда!» – при этой мысли я передернула плечами. Я была уверена, что этого не случится. Совсем скоро я собиралась уехать из этой глуши, получить достойное образование, работу, а после жить совсем на другом конце земного шара.

«А как же мама?» Я быстро закусила губу, и улыбка вмиг сошла с моего лица. «Я заберу ее с собой, куда бы я ни отправилась, – решила я мгновенно. – А вот и она»...

В толпе худощавых и не очень, но непременно одетых в костюмы мужчин, расфуфыренных тетушек, одетых и подстриженных практически на один манер, спешащих домой с набитыми авоськами, выделялось несколько свежих и прекрасных лиц, стройных фигур и светящихся глаз. Одной из них была моя мама, разве что глаза ее светились какой-то особой грустью, но, мне казалось, они светились ярче всех, потому что мы с ней увидели друг друга. Она радостно помахала мне рукой. А я ей в ответ.

«Какая же она у меня красивая!» Ее тонкое лицо обрамляли светло-каштановые кудри, доходившие до плеч. Глаза цвета неба очерчены густыми, длинными ресницами. У мамы были необыкновенно красивые глаза – большие, светлые и, кажется, бездонные. Жаль, что им так часто приходилось плакать. Мы с ней совсем непохожи внешне. Мои карие глаза с немного

восточным разрезом и густыми темными ресницами на фоне смуглой кожи сильно контрастировали с ее огромными голубыми глазами, обрамленными веером светлых длинных ресниц. Она любила заплетать в косу мои длинные густые темно-русые волосы, а мне нравилось наблюдать, как играют на солнце ее светлые мягкие локоны. Глядя на ее прозрачную, почти фарфоровую кожу, мне всегда хотелось быть похожей на маму. А мама, поглаживая мои округлые щеки, то и дело повторяла, что я – абсолютная копия моего отца, за что она любила меня еще сильнее...

Светло-бежевый мамин плащ развевался на ветру, а на плече у нее неизменно висела кожаная дамская сумочка. Истинная леди. Такой я ее знала всегда, такой она навсегда и осталась в моем сердце.

– Привет, Кузька! Как я рада тебя видеть, мое солнышко. – Она нежно обняла меня, крепко прижав к себе, и украдкой вдохнула аромат моих волос. – Ты снова на прогулке?

– Ты же знаешь, что на природе мне легче пишется. Привет, мамулечка. Может, тебе не стоит называть меня так на людях, я ведь уже большая девочка, мне ведь уже семнадцать?

Она ласково провела рукой по моим длинным волосам и аккуратно чмокнула в лоб.

– Хорошо, милая, только ты же знаешь, что для меня ты навсегда останешься моим Кузнечиком счастья. – Она заглянула мне в глаза, и я ощутила всю теплоту и силу материнской любви к своему единственному ребенку. Как же я любила этот ее согревающий взгляд и ее бесконечную доброту.

– Конечно, мам. Да мне, собственно, все равно, что скажут по этому поводу все эти люди. Мне и самой нравится, когда ты меня так называешь, чувствую себя... м-м-м... домовенком из мультика, помнишь, он такой славный.

Мы вместе засмеялись, и я в который раз насладились красотой ее серо-голубых глаз. Ах, как жаль, что у меня не мамыны глаза.

– Ну, что зайдём в магазин, купим что-нибудь вкусненькое на ужин, угу? – сказала она, а затем озадаченно посмотрела на меня. – Ты грустная какая-то. Что-то в школе?

– Да нет... не совсем. Просто, помнишь Ольку, ну ту, что замуж в девятом классе вышла...

– Ну да, красивая девочка, так что с ней?

– Ее муж, или, как это сказать, ну... получается муж, бросил ее с ребенком.

– Как это? – мама удивленно распахнула и без того огромные глаза.

– Ну как? Просто взял и уехал обратно на учебу. Похоже, ему надоело быть мужем и отцом... Мам, это так страшно. Ведь муж должен быть самым близким в жизни человеком, второй половинкой что ли... частью тебя самой... ну, так мне казалось... а в жизни как-то все совсем не так. Столько лжи, предательства, обмана. – Я замолчала и какое-то время мы шли абсолютно молча, погруженные каждый в свои мысли.

– Мам? – набравшись храбрости, я решила задать мучавший меня вопрос.

– Да, родная.

– Как ты думаешь, а есть ли такие семьи, ну... как в Библии... чтобы муж любил жену, «как Христос церковь», чтобы он так же заботился о ней. Чтобы между ними была такая же гармония, как в «Песнях Соломона»? Или это просто сказка, идиллия? А? Я бы очень хотела, чтобы у меня было так...

Мама задумалась, глядя перед собой, в ее глазах промелькнула тень печали и она сказала:

– Ну, наверное, есть, раз в твоей Библии так написано. Ведь, насколько я понимаю, она отражает жизнь таких же людей, как и мы, возможно, только с другими ценностями. Нас немного по-другому воспитывали, знаешь ли. Но не скажу, что плохо, просто по-другому.

– Ну а ты встречала в жизни такие семьи? – я не хотела отстать, не получив конкретного ответа.

– Как тебе сказать... – она старалась подобрать правильные слова. – Я сталкивалась в своей жизни со счастливыми женщинами, заботливыми мужьями, но никто не знает, что у них за закрытыми дверями, понимаешь? Поэтому мне сложно судить. Скажу так: я знакома с семьями, которые кажутся счастливыми, но не думаю, что они живут по принципам, о которых ты говоришь. Он просто уважают друг друга, ценят, заботятся... Но это тоже немаловажно в семейной жизни.

– И они... не изменяют друг другу? – прервала я ее.

– Откуда мне знать, Кузь? Внешне у них все хорошо, но... Ты должна понять, что это не так страшно, как может показаться. Люди все ошибаются в тех или иных поступках. Это же жизнь. Главное то, как мы справляемся с проступками друг друга, прощаем ли и готовы ли идти дальше? Бесспорно, это очень больно, очень. И неприятно, что тут говорить. В общем, одним словом не объяснишь.. Ты поймешь это со временем.

– Мам, я не хочу это понимать. Не хочу понимать предательство и ложь. И измена, которая в моей, как ты говоришь, Библии называется прелюбодеянием, это не просто проступок. Это страшный грех с разрушительными последствиями. Если бы это не было так губительно для семьи, Господь не разрешил бы по этой единственной причине разводиться. Только по этой, понимаешь? Здесь есть что-то, что очень важно, только не понимаю что.

– А Он разрешил? – на ее губах скользнула горькая улыбка.

– Ну, можно так сказать... допустил, по жестокости человеческих сердец, особенно если сделавший это не раскаивается. Так что ты давно могла бы освободиться от него... ну, от папы.

Мама остановилась, повернувшись ко мне, и сказала прямо, как это было свойственно ее безграничной душе, о чем красноречивее слов говорили глаза:

– Не все так просто, дорогая. Мы с ним прожили жизнь. Я не могу просто взять и выбросить его.. И потом, я все еще люблю твоего отца. Испытания бывают у каждого. Он со своими не справился, но для того я и рядом, чтобы помочь и поддержать. Ты никогда не думала, что будет с ним, если мы уйдем? Вдруг он окончательно сопьется и закончит свой путь, как и его отец? Вот что страшно... А остальное... Любовь все может перенести. Разве не так написано в твоей Библии?

– А то он сейчас еще не спился, мам! – не успокаивалась я. – Как ты можешь его жалеть и оправдывать? – возмущение и негодование охватывали меня все больше и больше.

– Но пока мы рядом, у него есть шанс вернуть себя и восстановить свою жизнь... – спокойно и уверенно продолжала она.

– Или окончательно добить наши... Это что, не страшно, мам? Ладно я, ведь я скоро уеду отсюда. Но ты, мам?... Он же мучает тебя.

– Не стоит быть такой строгой к нему, Лиза. Он ведь все-таки твой отец и дал тебе жизнь!

– А зачем он это сделал, мам? Чтобы потом постоянно упрекать, что родилась я, а не сын? Зачем ты оправдываешь его? Я же вижу твои слезы, чувствую твою боль... А ему все нипочем. Мне всегда хотелось, чтобы у нас была семья, понимаешь, семья... а не то, что есть. Однажды я видела такую... по телевизору... Они катались на каких-то аттракционах, похожих на американские горки... Но не это было важно. Он были все вместе, они смеялись. Им было так весело и хорошо рядом, всем: детям и родителям... Мам, как они смеялись! Казалось, они были такими родными и близкими друг другу. А у нас такого никогда не было, или я этого не помню. Даже когда все внешне было хорошо, я ощущала, что в воздухе витает что-то пугающее, и наше «хорошо» ненадолго.

– Возможно, это был какой-то фильм или еще что-то. В них зачастую все идеально. В жизни намного сложнее, доченька.

– Значит, я хочу нереального... Но знаешь что, мама, когда я думаю об этом, то я вот здесь чувствую, – я приложила руку к груди, – что это правда. Просто чувствую и все. И здесь будто огонь разгорается, так что меня всю словно согревает необъяснимым теплом. Нет, мама,

что бы ты ни говорила на этот счет, я верю, такое возможно. Но, скорее всего, я даже уверена в этом, что не в нашем городе. Здесь я такой семьи не видела. Да и кто здесь вообще верит в Бога? Единицы... Моя судьба наверняка придет из другого края земли, откуда-то издалека...

– Ты неисправимый мечтатель, дорогая моя. Надеюсь, тебе это поможет больше чем мне, – она улыбнулась и обняла меня за плечи.

А потом взяла меня за руку и спросила как-то особенно, просто и легко, будто не было ни вчерашней ссоры, ни вообще всех остальных:

– Кстати, как папа, ты домой заглядывала? – Она не хотела, чтобы я плохо думала и говорила об отце, это было ясно. Но неужели можно было продолжать так любить человека после всего, что он сделал? Я отчаянно пыталась это понять... А моя мама просто продолжала любить. Мы держались за руки, и я поняла, что это прекрасно, когда она рядом: мой самый лучший, самый верный друг, моя мама.

И вместе с ней мне ничего не было страшно, и не так грустно было открывать двери нашего дома, где ждал нас отец. Да и ждал ли вообще? В этом я сомневалась...

Отец более года был безработным. И все это время он либо спал, либо дремал, выгнувшись в форме буквы «Г» на мягком уголке в столовой. А когда просыпался, то осыпал нас бранью.

Войдя в дом, мы слышали, что телевизор на стене в столовой работал. Похоже, уже давно. Сделав звук чуть потише, но не выключая его совсем, чтобы не разбудить отца, я открыла окно и принялась убирать со стола остатки пьяной трапезы. Бутылки из под пива, недопитая водка в рюмках, рыба, колбаса, недоеденная яичница на сале... По столу были разбросаны покусанные куски хлеба, крошки, мусор, кости и окурки. В воздухе стоял спертый запах сигарет и спиртного, смешанный с запахом грязных носков и пота. Похоже, у него были гости.

Я торопилась закончить быстрее, чем мама успеет переодеться. Не хотела, чтобы она видела все это, хотя я уверена, что она успела уловить краем глаза всю эту картину, проходя по коридору в спальню, а уж не ощутить это зловоние или не услышать жуткий храп было просто невозможно.

– Может, поедим в зале, пусть поспит пока, – мама зашла в кухню и принялась разогревать ужин.

– Да, давай, сейчас точно какой-то сериал будет, так что сможем спокойно поесть и отдохнуть.

Проходя через столовую, я на мгновение остановилась и посмотрела на отца. Невыносимая боль сжала сердце: все же он мой отец. И мне было плохо от того, что он стал таким...

Когда ужин был готов, мама пожелала мне приятного аппетита и стала с интересом смотреть за событиями, происходящими на экране. Она что-то все время говорила, комментировала, улыбалась, а я поддакивала, но мои мысли были за пределами этой комнаты, они остались рядом с человеком, который лежал за стенкой, прожигал свою жизнь и изматывал наши...

Я часто вспоминала, как выглядел отец на одном из своих фото в возрасте лет двадцати. Уверенный, даже дерзкий, и абсолютно... прекрасный. Конечно, мама не могла не влюбиться в такого красавца. Стоит ли добавлять, что кроме всех этих внешних качеств, обладая чертами харизматичной личности, он сметал всех соперников на своем пути, и при этом был абсолютным джентльменом в отношении мамы – галантным, обходительным и обаятельным? Да, он был прекрасен, и мама, тогда юная, невинная девушка восемнадцати лет, не смогла устоять перед его шармом. Это был прекрасный роман идеальной пары любящих сердец. Восхищенные взгляды, романтика и... зависть злых языков. Отец всегда был слишком добродушным и доверчивым человеком и много говорил лишнего, особенно будучи пьяным.

Поэтому, с его слов я узнавала о многом, порой очень личном для него и для мамы: о том, как несправедлива бывает жизнь, какими черствыми и злыми бывают порой люди, как много вокруг предательства и обмана... Я знала о его чувствах к маме, об их ошибках и непрощенных обидах. Хотела ли я об этом слышать? Конечно же, нет... Как и каждый ребенок, даже в свои семнадцать лет, я хотела просто быть рядом с родителями, которые любят друг друга, чувствовать их заботу. Но вместо этого моя роль зачастую невольно сводилась к роли судьи и примирителя двух любящих и, в то же время, враждующих сторон. И мне было очень больно... Но отец звал меня к себе, я садилась на край дивана и долго-долго слушала о том, что мне, как его дочери, даже не стоило бы и знать.

Одна из его излюбленных тем разговора – это насколько он был прекрасен и как маме с ним необычайно повезло.

Глава 2

В один из обычных, ничем не примечательных вечеров в общежитии, в комнате парней, перекидываясь в картишки с друзьями по универу, такими же горняками, как и он сам, потягивая пиво с рыбой и «разбавляя» все это колкими шутками и анекдотами, папа услышал от друзей такое мнение: не солидно горняку брать замуж девушку, не будучи уверенным, что она сможет родить ему сына.

– Ну, я уверен, что моя Рита сможет мне родить здорового ребенка, — ответил отец. — Она молодая, чистая и красивая девушка.

– Ты шутишь, Влад? — продолжал гнуть свою линию парень на пару лет старше моего отца. — Как ты можешь быть уверен? Ты же даже не проверял свою красавицу, ну... ты меня понимаешь, — сказал он, заговорщицки и приподнял левую бровь. — Да она разводит тебя, как мальчика, салага.

– Точно, Жека дело говорит, — поддакивали другие парни в комнате, скидывая по очереди карты на кон. Все, кроме одного. Тот тихо сидел у окна, казалось, сосредоточившись на игре, но он внимательно следил за нарастающим спором. Это был Сергей, хозяин комнаты, студент последнего курса, по всей видимости, умудренный опытом отношений.

Отец резко бросил карты на ящик, служивший этой компании столом и застланный свежим выпуском «Футбольного обозрения», поднялся со своего места, такого же ящика из-под пива, выполнявшего функции стула.

– Да как ты смеешь так говорить о ней, я тебе сейчас морду начищу, мразь, — свирепо выпалил отец, судорожно закатывая рукава.

– Тихо, пацаны, да вы что, — вмешался парень постарше, который внимательно следил за ходом разговора. Он оказался рассудительнее и хитрее.

– Да, отстань, Серега, дай я рога отполирую этому самодовольному придурку, — начал было задирать Жека. — Она тебя дурачит, а ты уши развесил, слабак. Бабы все такие, с ними нужно быть мужиком, а не мечтателем. Я бы на твоём месте, давно уже...

– Ты не на моём месте, — рявкнул отец, — и никогда там не будешь!

– Так все, замаяли, — продолжал успокаивать разбушевавшихся товарищей хозяин комнаты. — Мы здесь собрались, чтобы оттянуться после рабочего дня. Мужики, половина из нас всю ночь вкалывала на шахте, за деньги, на которые мы купим потом цветы и всякую там хрень для наших девок. С утра учеба... Может, хватит? Мы все устали до чертиков, давайте расслабимся. Послезавтра все начнется сначала, а сегодня выходной. Стоит ли все портить из-за какой-то девки... пусть даже самой лучшей в округе, — сказал он многозначительно глядя на моего отца.

– И потом, Жека, — улыбаясь, он обратился к парню, который начал весь этот сыр-бор. Тот уже уселся на свой ящик-стул, скрестив руки на груди и самодовольно ухмыляясь, — ты же знаешь, что Влад скорее тебе «начистит рога», а не ты ему. Все мы знаем, какая у него рука, да Влад? — повернулся он к отцу и поднял руку, согнутую в кулак, как бы подкрепляя свои слова. — Так что давайте обойдемся без крови. Все, пиво греется. Давай, Жека, сдавай, а ты, Косой, — обратился он к молодому первокурснику, отвесив ему легкий дружеский подзатыльник, — налей мужикам пивка... В этой же хате нет жмотов, да? — Он многозначительно развел руками, как бы показывая широту своей души, а затем быстро потер ладони, предвкушая хорошую игру.

– Мне что-то уже не хочется играть, — сказал отец, направляясь к выходу, — да и выходных у меня нет, так что рано утром в шахту, а в обед «хвосты» в универе нужно сдать. В общем, все на сегодня, ребята... пока... хорошей игры. — Он помахал рукой всем оставшимся в комнате, не поворачиваясь к ним, и закрыл за собой дверь.

– Ша, пацаны, сдавайте пока, я пару слов перекинусь с Владом, – сказал Сергей и быстро вышел из комнаты.

– Влад, подожди, – окликнул он моего отца. – Слушай, ты же знаешь, Жека – придурок, не злись. Его Светка наставила ему рога, для него теперь все девки такие же.. Твоя Ритка – девчонка просто супер, каждый из нас мечтал бы иметь такую, ты же знаешь, но она выбрала тебя. И я уверен, что она – как кристалл, да ты и сам это знаешь, – он аккуратно похлопал моего отца по плечу. – Только, знаешь, так уж мы, мужики, устроены, нам нужно, ну... определить, что ли, территорию. А что толку всем морду бить, если девчонка и не твоя вовсе? – он рассмеялся.

– Но она же **ЛЮБИТ МЕНЯ**, и я ее ...**ОЧЕНЬ**, – пытался возразить отец.

– Да, знаю, знаю, – с поспешностью добавил приятель. – Тем более, это будет просто проявлением любви, и все. Ты же все равно говорил, что собираешься на ней жениться. Так что вы ничего не теряете, ведь так? Днем раньше, днем позже, что изменится? Вот мы с Натахой – живем и здравствуем.

– Ну не знаю, мне бы не хотелось с ней так поступать, пойми ты. Это может обидеть ее...

Отец не хотел начинать все вот так – грязно и обыденно. На первом курсе у него было несколько случайных связей, да и те по глупости да по пьяни. А серьезных отношений не было. С мамой же все было по-другому. С ней он ощущал себя другим – лучше, чище, словно вырастали крылья. Он не просто любил ее. Какая-то часть его страстно желала ее, но еще больше он хотел её защитить. Хотел, чтобы она и дальше ценила его, как личность, уважала, чувствовала себя с ним как за каменной стеной. С самого первого дня, как отец ее увидел, он понял, что просто обязан быть рядом, чтобы защитить, даже если она и не захочет его... никогда.

Обхватив голову руками, он стал прохаживать взад-вперед по коридору.

– Не знаю, смогу ли простить себе, если причину ей боль. Я слишком люблю ее...

– Ну, смотри сам, любовь любовью, а только помни то, что она тоже живая, и кто-то может тебя опередить, даже против ее воли. Мы, шахтеры, народ неотесанный. Захочешь ли ты ее потом, зная, что ты мог быть первым, а? С твоим-то гонором, Влад... – он ткнул указательный палец в грудь отца, как бы пытаясь его остановить, и продолжил. – Можно же сделать все красиво, братан, – цветы, романтика, своди ее куда-нибудь, а уж потом... Ну, твоя девушка, сам придумай, покори ее, что ли, каким-то поступком. Сделай так, чтобы она сама этого захотела. А дальше – дело техники. Ты не пожалеешь, поверь мне. Да может она и сама ждет, когда ты наконец проявишь себя как мужик? А? Бабы они... их фиг поймешь... говорят одно, а на уме у них... Ладно, мужики ждут, давай, до завтра, пересечемся где-то, пока, – бросил Сергей и скрылся в комнате.

Откинувшись на подушку в своей комнате, мой отец еще долго прокручивал все слова, сказанные им и другими в тот вечер. Он и сам много раз уже думал об этом.

– Может, ничего плохого и не случится. Да и сколько примеров таких отношений, – убеждал он сам себя, – взять хотя бы того же Сергея. Они с Наташкой со второго курса вместе и собирались пожениться после университета. А пока задабривают комендантку, чтоб не выселила, и живут вместе в одной комнате. Почти как семья... просто пока без штампа в паспорте... Да и что он решает – этот штамп в паспорте, – если есть любовь?.. – рассуждал он. – Ведь многие так жили и ничего... Рожали детей, потом обзаводились жильем, работой, да и тем же штампом. Не все, но, тем не менее... Суть ведь та же, вот только последовательность другая...

Хотя он слышал, что Наташка часто плакала, сомневаясь в их с Серегой совместном будущем. Из их комнаты иногда доносились обрывки ссор, что никто никому ничего не должен и каждый может уйти, не простившись, в любой момент.

А отцу хотелось чего-то лучшего, чистого, даже старомодного. Первая брачная ночь... чистота... ожидание... предвкушение...

Но, с другой стороны, Сергей всегда настаивал на том, что вместе лучше жить с самого начала. Притерлись, присмотрелись, подходят ли друг другу, плюс меньше растрат на всякую там романтику, походы в кино, кафе – словом, «общая кухня». Да и готовить есть кому, надо-едает жареная картошка, особенно после маминой кухни...

Отец облизнулся и перевернулся на бок, вспомнив вкуснящий борщ и ароматные булочки его мамы, и в животе предательски заурчало. На той неделе ему никак не удавалось съездить домой. Выходные были расписаны под завязку, и некогда было вырваться и на день, чтобы повидать семью, братьев и горячо любимую маму... Он уснул, и прекрасный сон еще больше погрузил его в душевные метания.

...Множество фотографий любимых сыновей, разноцветная скатерть на обеденном столе, пестреющая маками и ромашками, неизменный шорох радио на стене и ни с чем не сравнимый, манящий запах еды, доносящийся из кухни.

– М-м-м, как пахнет...

Судя по всему, сегодня мамка приготовила жареные свиные ребрышки с картофелем и булки с повидлом. Много-много не очень полезной, но такой вкусной пищи. А вот она хлопчет у плиты и что-то ему рассказывает. Вдруг он понимает, что это не его мать, а, похоже, его жена. Она повернулась к нему лицом и приветливо улыбнулась... это была Рита, его любимая и моя мама. Ей очень шел передник папиной мамы, моей бабушки. И она отлично смотрелась на этой кухне.

– Что у нас на обед, милая? – сказал какой-то мужчина, подойдя сзади и обхватив ее за талию.

– То, что ты любишь больше всего, дорогой. Твое самое любимое блюдо, – с улыбкой на светлом лице, Рита приоткрыла крышку сковороды, позволяя мужчине еще больше наслаждаться любимым ароматом кушанья.

– М-м-м, как вкусно пахнет. Кажется, уже все готово. Дорогая, ты же знаешь, что горячее сырым не бывает, – мужчина привлек Риту поближе и поцеловал ее шею. – Смотри, как подрумянились ребрышки. Может, приступим...

– Смотри к чему, – промурлыкала та в ответ. – Нет-нет, подожди немного, самую малость, ты же не хочешь испортить свое самое любимое блюдо. Иначе оно уже не будет таким вкусным и таким любимым, – проворковала она, целуя его в губы...

Утром отец проснулся рано, но в хорошем настроении. Он принял окончательное решение сделать все так, как считает достойным – ее и их будущего. Вернувшись вечером после работы и занятий в университете, он обнаружил, что Риты нигде нет. Мобильников тогда не было. Со слов подруг он понял, что она заболела.

Зима тогда была, как и сейчас, неважная – месиво из снега и дождя, сырость и пронизывающий ветер. Мама возвращалась с учебы и сильно промочила ноги, впрочем, как и всегда. Ее семья жила более чем скромно, поэтому рассчитывать на хорошую обувь и одежду не приходилось. В основном она донашивала то, что осталось от старшей сестры. Эти сапоги она купила сама, сделав контрольные кому-то из сокурсников и заработав деньги. Новые, красивые, но не очень практичные. Еще за день до этого мама почувствовала головную боль и симптомы надвигающейся простуды, но сессия была в самом разгаре, так что некогда было болеть. А после экзамена совсем слегла с температурой.

Именно в тот день они с отцом договорились встретиться и провести вместе время: погулять или сходить в кино. Поэтому он, как всегда, пришел на свидание с цветами. Дверь в ее комнату оказалась заперта. Он постучал, но никто не открыл. Мама приняла лекарства и уснула. Соседка ее уехала, поэтому открыть дверь было некому. Опасаясь, что его любимой могло стать хуже, отец не раздумывая, решил влезть в комнату через окно.

Мама называла это самой романтической историей в их отношениях, не желая рассказывать, что было дальше. Лишь однажды, в порыве отчаяния, она, глядя мне в глаза, попросила, чтобы я не поступила так же легкомысленно и чтобы один поступок не перечеркнул всю мою жизнь.

Стук в дверь она услышала сквозь сон, поэтому решила, что это и есть сон. Спустя мгновение она проснулась и увидела в окне обеспокоенное лицо отца, державшегося за трубу, проходившую по стене у окна, и прижимавшего к груди алые розы. Он весь промок, на улице по-прежнему шел снег с дождем.

– Проснувшись, я увидела того, о ком был мой сон, поэтому не сразу поняла, что уже не сплю. Я смотрела на него и упивалась красотой его лица, глаз, наполненных светом любви. Он снова постучал в окно, и я вдруг осознала, что это не сон. Поспешно вскочив с кровати в одной ночной рубашке, я открыла окно и впустила отца в комнату, – рассказала мне как-то мама.

Он не смог оторвать взгляда от нее, такой нежной, ранимой и беззащитной. Она не смогла противостоять обаянию, вниманию, теплоте и напористости любимого мужчины. И они оба не смогли совладать с непреодолимым влечением двух любящих сердец, отдавшись во власть чувств.

Проснувшись рано утром в объятиях друг друга, они до конца осознали, что произошло. Мама расплакалась.. Она, конечно же, не хотела, чтобы все было именно так. Более того, ей было только девятнадцать, и она еще не успела принять для себя окончательного решения по поводу их совместного будущего. Да, она любила отца, но, как и каждая женщина, хотела создать свое будущее на основе любви, доверия и уважения, а не на основе безысходности. Она чувствовала себя лишенной чего-то такого, что делало ее особенной, достойной, лучшей, что позволило бы ей принять самостоятельное и правильное решение на всю жизнь. Однако воспитание того времени не поощряло такого исхода, поэтому решение было принято само собой. В то же утро отец сделал ей предложение, и свадьбу назначили через месяц.

События того вечера изменили не только жизнь моей мамы. Отец осознал, что поспешил, но не только в том, что произошло. Его версию этой истории я слышала в мельчайших деталях. Он, на пьяную голову, много раз рассказывал ее мне. Но, доходя до этого места, он всегда словно трезвел, и из глаз текли слезы. Были ли это слезы сожаления? Или раскаяния? Я не знала. Но вот слезы мамы тогда, после той ночи, и ее отчаяние зародили в нем сомнения в ее чувствах. А с ними пришли боль и обида, а позже гнев и злость.

– Она меня не любила, – говорил он иногда, заканчивая историю, – никогда не любила, понимаешь?.. Я видел ее взгляд тем утром, ее глаза, слезы... Она не любила меня... и сейчас не любит... А я любил... – почти рычал он.

Ему казалось, что она любила меньше, а порой что не любила вовсе. Ее нерешительность и замкнутость он считал отчужденностью и холодностью. Обвиняя ее в недостатке чувственности, он становился черствее сам.

Мама была слишком молода тогда и не знала, с чего начинать близость и как строить прекрасные семейные отношения. Она надеялась на его опыт и поддержку. Он был старше, и его семья, в сравнении с ее, внешне была более благополучная: глава семейства – заботливый отец и семьянин, мать, воспитавшая троих сыновей, прекрасный дом, достаток. Ее же собственная мать работала намного больше отца, проводившего свою жизнь в пустых фантазиях и пьянстве, и несла на себе всю ответственность за семью.

Все больше и больше мама испытывала чувство осуждения и разочарования, смешанное с болью и отчаянием, а отец из пылко влюбленного постепенно превращался в охлаждающего собственника. Он осудил ее во всем, что они сделали вместе. А его чувства к ней смешались: от жадной любви, сжигающей все на своем пути, до лютой злости, ярости и порой ненависти, даже ему порой непонятной.

Через год родилась я, а еще через какое-то время у отца появилась другая женщина, отравившая их с мамой жизнь, их близость, разрушившая нашу семью. За новую страсть он поплатился работой, потеряв уважение коллег, положение и многое другое, что отчаянно, но безрезультатно пытался вернуть все последующие годы. Дальше – новая работа, новое положение, возможности, новые бессмысленные связи, слезы, скандалы и так до бесконечности.

И лишь спустя много лет появление его жадно любимых внуков смогло разорвать этот порочный круг и открыть для меня отца таким, каким я его никогда не знала. Мне не довелось узнать, что такое хороший отец, пока я росла. Но я смогла понять его и полюбить всей душой спустя годы. Он же стал лучшим дедушкой, о котором можно было только мечтать.

А тогда он остался один: без друзей, без работы и без средств к существованию, опустившийся, разъяренный и обозленный. И рядом были только мы, его семья, которую он и винил во всех своих неудачах. Глубоко в душе, я знала, мама страдала от боли и обиды за его предательство, разрушенные женские мечты, обманутые надежды, за то жалкое подобие семьи, что они смогли создать. Да и что можно построить на недоверии, обмане, упреках и непросении?

Всего через несколько недель я должна была покинуть родительский дом, чтобы начать новую, самостоятельную жизнь. Начать строить что-то свое, не имея ни малейшего представления, как это сделать. Люди говорили, что судьба матери передается дочери. И когда я смотрела вокруг: на соседей, знакомых, – то понимала, что у многих так было. Но в моих мечтах была совсем другая жизнь и совершенно иная судьба.

– Мам, я давно хотела у тебя спросить... – я прервала наше затянувшееся молчание в тот вечер во время ужина с мамой у телевизора.. Мама с головой ушла в сериал на экране.

– Ма-ам, – позвала я еще раз.

– Да, солнышко, – поспешно проговорила она.

– Помнишь, ты как-то мне рассказала о том, ну... как у вас с отцом это было в первый раз... до свадьбы...

Мама утвердительно кивнула и смущенно опустила глаза, стараясь понять, о чем будет мой следующий вопрос.

– Ты никогда не думала, – продолжила я, – как бы сложилась твоя жизнь, если бы ты не... ну, в общем, если бы вы подождали... не знаю, даже, как спросить, прости...

– Я поняла тебя, дорогая. Знаешь, сложно совладать с собой, своими чувствами, когда ты так молод, горяч и влюблен. Наверное, здесь нужна какая-то особая сила, даже не знаю...

– ...Сила Бога, я думаю, – осторожно предположила я.

– Может быть. Но что сделано, то сделано. Тогда мы были счастливы, во всяком случае, нам так казалось. А счастье может рухнуть и по другим причинам, не зависящим от близости до брака.

– Например, его измены, да? – выпалила я и закусила губу.

– Да, пожалуй, они убивают тебя изнутри, разрушают все... Уже не знаешь: где правда и где ложь. Их можно простить, даже нужно... забыть... Но чтобы все это стереть из жизни, нужно усилие обоих супругов, в одиночку с этим справиться невозможно... Это как червь, который точит и точит. И с каждой новой ссорой все старые обиды всплывают, будто никуда и не уходили... – она горько улыбнулась и тихо продолжила: – Но стоит ли тебе думать об этом? Это моя жизнь... Конечно, не совсем такая, какой я ее рисовала себе в твои годы. Поэтому учись лучше на моих ошибках, родная...

– Ты не ответила, мам, – настаивала я.

– Хорошо... Оглядываясь назад, я часто думаю, что, возможно, твой отец проявлял бы ко мне большее уважения, если бы я осталась верной себе до дня свадьбы. Не зря же еще в старину такое поведение называли «честью» для девушки. Хотя вполне вероятно, что это мы сами перестаем себя уважать, а значит, меняется и отношение любимого мужчины к тебе. Одно

я могу сказать абсолютно точно: я не хочу, чтобы ты сделала такой поступок. Это очень больно. И всю жизнь ты носишь в себе этот вопрос: «А что было бы, если бы я противостояла?» – она замолчала и задумалась, а потом подняла на меня глаза, слегка блестящие от слез, улыбнулась и сказала: – Но ты не такая... Ты намного рассудительнее и решительнее, чем была я в твои годы. Кроме того, у тебя есть твоя вера, а в сердце – Господь. И Он тебе поможет, – она указала пальцем вверх. – Наша жизнь с твоим папой была разной, но любовь в ней тоже была, и я верю, еще будет. Иначе меня бы с ним уже не было. Успокойся, дорогая. Ни о чем не думай. – Она снова улыбнулась такой светлой улыбкой, что мне стало не по себе за мои мрачные мысли.

Отец проснулся, как только мы окончили разговор, и стал искать повод для скандала. Да и нужен ли повод пьяному, разъяренному человеку, чтобы сделать кому-то больно? Похоже, что нет. Не то сказала, не там стала, телевизор собой заслонила, не то приготовила, не так подала, недостойно оценила мужа, посуду не помыла, собаку не выгуляла и так бесконечно...

– Послушай, я так больше не могу... Тебе нужно что-то с этим делать. Это же не может продолжаться вечно! Ну посмотри на себя, в кого ты превратился! Пьяный, опустившийся. Сколько дней ты уже пьешь... – мама закрыла лицо руками и начала всхлипывать.

– Слышишь... – лениво и небрежно бросил он в ответ, лишь скосив глаза в ее сторону, – ... на себя давно в зеркало смотрела?.. Так что отвали, курица.

– Ну, прекрати, сколько можно? – отчаянно взмолилась мама. – Неужели нельзя разговаривать без оскорблений?

– Я тебе правду говорю, дура, чтобы ты прозрела наконец и поняла, чего твой муж хочет... да... а ты мне тут затираешь... курица, блин, – еле ворочая языком отвечал отец.

– И чем же я дура? Тем, что тебя, такого здорового мужика, на своей шее тяну?.. Работаю на двух работах, стараюсь все время хоть какую-то копейку в дом принести, а ты, мало того, что не работаешь уже сколько, так еще и пропиваешь... И оскорбляешь... – мама снова плакала, а я вжалась в кресло так сильно, как только могла.

– Вот твоя истинная любовь, вот твоя гнилая натура! Деньги у меня закончились, и все, любовь пропала.

– А они у тебя когда-нибудь были, ты скажи? О деньгах ты говоришь... Может, и были, но не для нас с дочерью, а для твоих девок, которых ты в нашей машине катал, за которую я и платила... – мама тяжело вздохнула и махнула рукой. – Да дура я, нужно было тебя давным-давно бросить, как твоя мать бросила твоего отца... и сдох он, никому не нужный, от пьянки. Может, ты тоже так хочешь?

– Ой, да бросай, нашлась тут великомученица... Ты же первая потом приползешь ко мне и будешь землю грызть, чтобы я пустил тебя обратно, а от вас... – выкладывая палец за пальцем, он скрутил огромную дулю и ткнул ее прямо маме в лицо.

– Да прекрати же ты! Ну что ты делаешь? И за что, за что мне это?

– Да пошла ты, коза драная! Отвали, я новости смотрю, – вытолкнув ее из кресла, он сел в него сам, взял пульт и переключил на первый канал. – Идите он со своей дочкой, такой же дурой как ты, в ее комнату, поплачьте там друг другу в жилетку, какие вы несчастные и какой папа у вас хреновый. Все, вали отсюда...

Остаток вечера был испорчен, да и разве только этот вечер...

Подобные сцены стали для нашей семьи практически нормой. Мама терпела, папа хамил и оскорблял, а я чаще всего сидела за закрытыми дверями в своей комнате и слушала весь этот кошмар. Потом мама закрывалась в своей комнате и плакала, проклиная судьбу и тот день, когда она сказала «да». Она и раньше часто плакала из-за него, но в этот год слезы стали ее постоянными спутниками. Отец же лежал у телевизора, заливаясь громким отвратительным храпом. Казалось, ему было все ни по чем. Я же во всем хаосе, царившем в нашей жизни, винила только отца: его поведение, постоянные пьянки и измены.

Я знала наверняка, что близость до брака – это огромный грех. Поэтому всячески избегала серьезных отношений, опасаясь, что они могут обрести силу страсти, способной разрушить мою мечту: мечту о доме, где живут мир и любовь. И каждый раз, когда я прокручивала в голове историю родителей, мне казалось, что я понимала, что имел в виду Господь, завещая нам хранить чистоту. Это было тем, что я могла и должна была делать сегодня. Но было еще и таинственное завтра, о котором никому, кроме Него ничего не было известно. О завтрашнем дне я не могла не думать. Страх окутывал меня словно черным покрывалом. Я знала, что только Господь может меня спасти от такого ужасного будущего и опустившись на колени, я начинала молиться...

Глава 3

На следующий день я проснулась от необычного ощущения. Что-то мягкое и гладкое терлось о мою щеку. Нехотя приоткрыв глаза, я увидела перед собой широко улыбающееся лицо человека, которого совсем не ожидала увидеть этим утром.

– Вставай, соня, – он выставил перед моим лицом розу, которой, судя по всему, минуту назад гладил мою щеку.

К семнадцати годам я уже могла составить список своих страхов, которые преодолела и с которыми по-прежнему продолжала бороться. Когда-то мне было страшно начинать брить ноги, потому что я наслушалась басен, что от бритья волосы будут расти еще больше; я боялась поднимать руку на уроке языка под пристальным вниманием учителя; боялась не получить медаль, провалить экзамены, что-то не успеть и куда-то опоздать. Среди всех страхов был и такой, который непосредственно касался человека, сидевшего на моей кровати с розой в руках. Я боялась встречаться с кем-то, чтобы не попасть в плен страстей; отказывалась встречаться с ребятами из нашего города, чтобы навсегда здесь не остаться; и не хотела встречаться с этим человеком, потому что... было много этих «потому что», и, самое главное, – он был далек от веры в Бога и я совсем не собиралась связывать с ним свою судьбу. И все же, вот уже несколько месяцев этот человек был рядом намного чаще, чем мне того хотелось.

– Ты что здесь делаешь? – пробурчала я спросонья. – Ты же должен быть на учебе.

– Вот так прием! Ты не рада меня видеть? – он демонстративно надул губы, а потом снова улыбнулся. – Приехал, чтобы тебя поддержать, и потом, сегодня мы идем на природу по поводу... м-м-м... дай придумать, Дня защиты детей, который будет на следующей неделе или через неделю, какая разница. Так что, малыш, это твой праздник, собирайся. – Он надавил на кровать по обе стороны от меня, пытаясь ее раскачать. Это оказалось довольно сложным, поскольку я любила спать на пуховой перине, которая за ночь, конечно же, проседала. В этот момент из-под подушки выпала тонкая в мягком переплете Книга, которую я читала вечером. Он потянулся и достал ее быстрее, чем я.

– Зачем тебе это? – он небрежно фыркнул и взглянул на меня вопросительно.

– Я люблю ее читать, она мудрая... Ты же знаешь, что я верующая. Почему ты удивляешься?

– Не думал, что настолько... – он поспешно положил Новый Завет на журнальный столик, и я перевела разговор на другую тему.

– Первое июня будет только в понедельник, и в этот день у меня – экзамен... сочинение, помнишь? Ром, мне писать надо.

– Да хватит тебе! Мама сказала, что ты всю неделю ночи напролет писала. Надо и отдохнуть, а то свалишься.

– Ну, не знаю... – я вспомнила, сколько еще осталось нераскрытых тем, и мне стало дурно. – Я только сорок два сочинения написала, а еще восемь... И наверняка, как на зло, одно из них мне попадется. Что тогда? – я вопросительно на него посмотрела.

– Все будет тип-топ, ты же знаешь. Вставай, – повторил он, стараясь соорудить грустную гримасу.

– Ладно, встаю, только выйди из комнаты, не могу же я... тут вот... давай, выходи, – я указала ему на дверь. – Да и как ты вообще сюда попал? Ах, ну да, мама... Да, ты можешь с ней найти общий язык... Так что иди чайку пока попей, думаю, она тебе не откажет.

– Я уже попил, мама сразу предложила, чтобы ты еще немного поспала, – его лицо сияло, и, казалось, он просто ликовал.

– Отлично... а может, ты и жить ко мне переедешь? – я уже начинала закипать. Меня раздражало то, что он чувствует себя здесь как дома.

– Если пригласишь... – он лукаво мне подмигнул.

– Не приглашу, давай выходи.

– Злая ты...

– Какая есть... Не люблю, когда лезут на мою территорию.

– Ой-ой. Ладно, малыш, через час мы за тобой заедем, будь, пожалуйста, готова, – при этих словах его лицо исказилось, глаза и губы сузились одновременно, и он стал похож на обиженного злобного малыша, у которого собираются забрать конфету. У меня внутри все сжалось от непонятного чувства, близкого к отвращению, но я постаралась взять себя в руки.

– Хорошо, Ром, я буду готова, – мне хотелось, чтобы он удалился быстрее, чем я успею ему нагрубить и обидеть.

Он ушел, оставив длинную розу на моём одеяле. А я еще какое-то время не могла заставить себя встать, понимая, что абсолютно не хотела идти на дачу к его друзьям, жарить шашлыки и просто быть там. А может быть, я не хотела идти с ним? В тот момент мне трудно было разобраться во всем, что кипело в голове, потому что самым главным для меня были выпускные экзамены, первый из которых был в понедельник.

Собралась я быстро, на бегу перекинувшись парой слов с мамой. Зная мое отношение к Ромке, она всегда расхваливала его за внимание ко мне, обходительность, просила быть повежливей и повнимательней к нему и не делать поспешных выводов. А я все «угукала» и хотела, чтобы она скорее перестала о нем говорить.

Ромка понравился ей с самого первого дня нашего знакомства. В тот день в школе был осенний бал. Музыка была не очень, настроение у меня было плохое, да и танцевать особо не было с кем. Все сидели на лавках или стояли у стены, наблюдая за несколькими танцующими. Я решила уйти, как вдруг передо мной возник Роман и пригласил на танец. Не знаю почему, но я согласилась.

Он оказался великолепным партнером и с запалом танцевал под любую музыку. Вслед за медленным танцем последовал какой-то другой. И мы не заметили, как протанцевали весь вечер. Разочарования улетучились сами собой. Все, что я видела, – это восторженная улыбка Романа и острые, завистливые взгляды девчонок.

Ромка был студентом второго курса университета и оказался старше меня на два с половиной года. Кроме того, он был сыном нашей утонченной директрисы школы. И многие девушки мечтали видеть его в качестве своего парня.

Он провел меня домой, пригласив на следующей неделе в пятницу на ужин с его друзьями. Я сказала, что подумаю, но потом отказалась, сославшись на необходимость подготовиться к занятиям по английскому. Зачем заводить отношения, если я вообще их не хотела? Он был приятным парнем, вежливым, обходительным, здорово танцевал, но определенно не являлся тем, о ком я мечтала. И мне не хотелось попусту давать ему надежду. На этом наша с ним история, как мне казалось, закончилась.

Однако спустя два месяца в школе снова был бал, теперь уже новогодний. Ко мне подошел неизвестный молодой человек и попросил о помощи. Он сказал, что его друг страдает, влюбившись в девушку, которая не отвечает взаимностью. И чтобы хоть как-то ободрить друга, он предложил ему приятный сюрприз. Этим сюрпризом, как ни странно, была я. Незнакомый парень пообещал, что меня это ни к чему не обяжет. Роман в то время должен был вернуться из Р*** после учебной недели. Мне же предстояло только встретиться с ним по пути домой. Просто увидеть, и все... Что ж, задача была несложная, и этот парень так искренне хотел сделать приятное удрученному товарищу, что я, без особого желания, но все же согласилась, ощущая себя несколько виноватой в том, что причинила боль человеку.

Оглядываясь назад, я могу с уверенностью сказать: это стало хорошим уроком для меня. Никогда не следует пренебрегать голосом мудрости, идущим из сердца. А он в тот день подсказывал мне, что все это ни к чему хорошему не приведет. И порой лучше для человека пре-

терпеть боль один раз и исцелиться навсегда, чем болеть монотонно и долго. К сожалению, для себя и для Романа, я поняла это позднее, чем следовало.

Согласившись на встречу, мы с Иваном и его девушкой Кариной ожидали Романа недалеко от школы, на дороге, которой он часто возвращался домой. Когда я рассмотрела в темноте его силуэт, мое сердце бешено заколотилось от всей этой затеи, неизвестности и даже страха. Перекинув через плечо огромную спортивную сумку, он шел не спеша, в развалку, но при этом очень уверенно. Роман был на голову выше меня, крепкого телосложения, я бы сказала, немного полноват. Но в тот момент он выглядел таким взрослым и мужественным по сравнению с парнями-одноклассниками, что на какое-то мгновение я пожалела, что отказалась от свидания в прошлый раз. И тут же отменила эту мысль, отругав себя за то, что я вообще сюда пришла. Как же глупо это, должно быть, выглядело! Сначала сказала «нет», а потом сама его встречала. Мне хотелось бежать, раствориться в воздухе, стать невидимой.

– Всем привет, – сказал Роман громким, торжественным голосом, широко улыбаясь. Его улыбка растянулась на все лицо, обнажая ряд ровных мелких зубов, а глаза сузились и стали похожи на две запятые. Он напомнил мне улыбающееся солнышко, которое часто рисуют дети, и я невольно улыбнулась.

– Вау, какой сюрприз, – разглядев меня в темноте, он немного смутился, или мне так показалось. Рома поставив тяжелую сумку на землю, перевел дыхание, и вдруг снова поднял ее и протянул Ивану.

– Сможешь закинуть ее ко мне, а я пока провожу Лизу... – он спокойно посмотрел на меня. Иван развел руками, словно говоря «без проблем», и вскинул сумку на плечо. Взяв Карину за руку, он ушел, бросив на лету:

– Лиз, спасибо.

...Я ощутила на своей руке теплоту мягкой, но крепкой мужской руки. Он взял меня за руку, и я почему-то позволила ему это сделать.

– Ты меня удивила, признаюсь, – начал он, – даже не ожидал...

– Мне просто неловко, что я поступила так невежливо в прошлый раз... В тот вечер мне действительно нужно было подготовить английский... я тебе говорила...

– А на свидание с елкой и дедом морозом ты все-таки пошла?! – сказал он, подтрунивая.

– Мама вытолкала. Говорит, нужно немного развеяться, переключиться с учебы на что-то... – я старалась оправдать свое присутствие на новогоднем вечере, но не находила нужных слов. Мне, действительно, не хотелось туда идти, но мама сразила меня аргументами, что это последний школьный бал в кругу моих одноклассников и я просто обязана быть там.

– Она права, не волнуйся, я не обиделся... особенно теперь, – он многозначительно посмотрел на меня и еще крепче сжал мою руку.

Мы шли медленно. Погода была чудесная – тихо, морозно и светло от только что выпавшего снега. Рома что-то рассказывал, а я ловила себя на мысли, что мне с ним интересно. Время пролетело мгновенно – и вот мы уже поднялись на четвертый этаж и стояли у дверей моей квартиры.

– Хочешь, завтра вечером погуляем? – спросил он как бы между прочим.

– Да, – с какой-то удивительной для меня легкостью ответила я. На душе не было спокойно, но мой разум словно просветлел от общения с ним, настолько Ромка был не похож на одноклассников и тех, с кем я общалась. Еще не раз я буду потом корить себя за то, что согласилась. Прежде всего из-за него. Потому что своим поступком я дала надежду человеку и зародила в нем чувства, ответа которым он во мне так и не встретил. Но тогда мне было с ним интересно.

С того дня Рома стал приходить каждую пятницу сразу после приезда домой, вне зависимости от того, устал или нет. А потом – в субботу, иногда и в воскресенье. В остальные дни звонил с переговорного пункта, как только выдавался случай.

И я стала привыкать к его вниманию, к общению с ним. Это было совсем другое общение, не то, что в школе с одноклассниками. И он был очень веселый, даже шумный... Кроме того, я никогда не испытывала к себе такого исключительного мужского внимания и такой заботы, даже со стороны отца. Да и друзей у меня практически не было. Были лишь те, кто хотел ими казаться, чтобы регулярно списывать домашнее задание. А Роману, казалось, ничего от меня не нужно было, и с ним я ощущала себя, можно сказать, защищенной.

Ему, похоже, нравилось быть эдаким моим «рыцарем». Однажды он узнал, что я очень переживаю по поводу контрольной, которая планировалась на понедельник, и предложил свою помощь.

В понедельник, посреди урока, он открыл дверь и попросил Дмитрия Петровича, – своего отца и нашего учителя геометрии, – выйти в коридор на минутку. И за те пять минут, которых его не было, все, в том числе и я, успели заглянуть в конспекты и найти нужное решение. На перемене ребята наперебой меня благодарили за то, что я уговорила Ромку прийти на контрольную. А я вообще не понимала, что он здесь делал, и почему не уехал в Р*** на учебу вчера вечером.

– Я думала, ты пошутил вчера, когда предложил такое? – недоумевала я.

– Ну, да, а потом подумал, а почему бы и нет? Я не хотел, чтобы ты завалила эту контрольную за несколько месяцев до экзамена, – объяснил он мне, – а родителям сказал, что у меня сегодня нет важных лекций, и я решил побыть чуть больше дома. В принципе, так оно и есть... кроме того, ты была такой печальной, а я не люблю, когда ты такая... Люблю, когда ты веселая, – и он улыбнулся, снова став похожим на солнышко.

– А что ты отцу сказал? Вас так долго не было... – удивлялась я.

– Просто спросил, что на обед: купитьпельменей или наделать котлет. Остановились на пельменях, – и он снова широко улыбнулся.

На Восьмое марта Роман подарил мне золотое кольцо, о котором еще долго судачили в школе, в основном, в учительской. Я была шокирована, увидев подарок, и не знала, как к этому отнестись. Стоит ли вообще его принимать? Но Ромка сказал, что просто не хотел тратить деньги на безделушку, а решил подарить что-то, что останется со мной надолго. Однако, спустя время, я все-таки потеряла это кольцо.

– Ты будешь смотреть на него и думать, что я рядом и помогаю тебе... что я с тобой.

– Это очень дорогой подарок и потом... кольцо, – хотела возразить я, но не находила подходящих слов

– Брось, Лиз, я же не зову тебя замуж... Хотя, это наводит на мысль, – лукаво подмигнул он. – Просто не люблю ненужные вещи. Можешь его продать, когда станешь голодным студентом, получится, что я тебя накормил, – его шутка заставила меня рассмеяться.

– С праздником, малыш, – тихо прошептал он и наклонился, чтобы поцеловать меня в щеку. Не расслышав его слов, я повернулась, чтобы спросить, что он сказал, но в этот момент его губы коснулись... моих губ. И он поцеловал меня нежно и осторожно.

– Прости, я... я просто хотел поздравить тебя... Ты вдруг повернулась. Но я рад, что так получилось, просто... давно хотел... тебя поцеловать, – он был смущен и растерян. Таким я его еще не видела.

Я почувствовала, как мои щеки залились румянцем. Опустив голову, я поспешно пожелала ему спокойной ночи и помчалась по лестнице домой.

– До завтра? – крикнул он мне вслед.

– Ага, – запыхавшись, ответила я.

Вбежав домой, я прижалась спиной к входной двери и стояла, закрыв глаза. Я не знала, правильно ли я поступила или нет, не была уверена, можно ли мне это делать... Ведь я не любила Рому, хоть он и был ко мне добр и внимателен... Одно дело дружить, вместе гулять, но я не была готова к таким отношениям с ним... Его поцелуй был очень теплый и нежный,

но что-то внутри меня в тот миг сжалось и запротестовало. В моем сердце появилось какое-то маленькое темное пятнышко. На первый взгляд, очень маленькое, чтобы оно заслуживало внимания, но оно не давало мне покоя. И с каждым днем, проведенным вместе с Романом, я чувствовала, как оно растет. А в груди снова и снова что-то болезненно сжималось при каждой встрече и любом его прикосновении. Поэтому я старалась свести на нет наши отношения и не позволяла больше целовать себя. Роман не очаивался и готов был ждать сколько угодно. Но все чаще мне хотелось ему сказать:

– Отойди, оставь меня!

Однако я тянула, опасаясь быть осмеянной и показаться отставшей от жизни. В то же самое время злые языки стали судачить о моем хорошо продуманном плане – встречаться с сыном директора школы, чтобы не иметь проблем на экзаменах и получить медаль. В этом было столько грязи, зависти и лжи, что мне становилось нестерпимо больно и обидно.

Роман же стал еще более настойчивым и всячески старался вынести наши отношения на публику. Он привозил мне букеты цветов и все, чего я только не пожелала. И совсем скоро я перестала отвечать на вопрос, чего я хочу, опасаясь, что он истратит и стипендию, и деньги, заработанные написанием курсовых и контрольных. Он приглашал меня к себе домой на ужин, под разными предлогами познакомил меня со всеми своими друзьями в городе, и все больше стал сближаться с моей семьей. Мои мама, тетя и бабушка уже его обожали и давали мне недвусмысленные советы по поводу наших отношений.

– Хорошенько подумай, прежде чем принимать какое-то решение, Лиза, – говорила мне моя бабушка, сидя за чашкой чая на кухне.

– Ба, я не знаю, что мне делать. Он хороший парень и ко мне хорошо относится... говорит, что любит меня, но я не чувствую, что это мой человек, понимаешь? Не хочу его обманывать. Вот на прошлой неделе он приехал раньше и зашел за мной в школу. Я была на уроках еще, так он пока ждал, нарисовал для меня смешной рисунок... человеческий череп со страшными зубами, ужасными глазами, кровью... Ба, это смешно?

Она нехотя пожала плечами, а потом сделал глоток чаю.

– Иногда он просто сражает меня своими необыкновенными жестами, так что я начинаю чувствовать себя королевой, а порой... совсем не понимаю, что у него на уме... Где-то месяц назад, – продолжила я, – мы с ним говорили о маме, о ее трудностях на работе, что ее хотят уволить, обо всем том кошмаре, в котором она пребывает уже почти год, о судебных разбирательствах, даже о том, что ее может не стать с нами рядом... хотя об этом мне хочется думать меньше всего сейчас... – при мысли об этом я закрыла лицо руками.

В дополнение ко всем семейным неурядицам, на работе на маму обрушилось очень серьезное обвинение, повлекшее за собой череду разбирательств, судебных тяжб, критики и сплетен. Люди на предприятии разговаривали с ней пренебрежительно и порой свысока, отец совсем не поддерживал ее на этом нелегком пути, но только осуждал за доверчивость, а она все больше переживала не о себе, а обо мне и моем будущем. Директор школы открыто сказала моей маме, что результат этих исследований бесспорно отразится на моем аттестате, и о медали речи вообще быть не может. Под угрозой было все: моя учеба, поступление в университет и даже выпускной бал... которого в нашем городе ждала каждая девчонка... Мама, конечно же, знала, что я тоже жду этот праздник и мечтаю о прекрасном платье. Потому она всегда повторяла, что я непременно буду на этом балу, и буду там настоящей принцессой.

Несмотря на то, что мама была абсолютно не виновна в том, что ей вменяли, страх перед невозможностью доказать самостоятельно свою правоту и защитить себя от неминуемого заставлял ее искать пути выхода, и она склонила свои колени в сокрушенной молитве о помощи перед Богом. И ее судьба была как будто вырвана чудесным образом из крепких лап огромного зверя. С каждым новым шагом она видела, как Господь творил чудо прямо у нее на глазах, снова и снова являя Себя и Свою любовь к ней и всем нам.

Все чаще вспоминая события тех дней, я задумываюсь о том, какие еще чудесные изменения могли бы произойти в ее жизни, поддержки она пылкое горение огня в своём сердце и продолжи следование за Христом после того, как все сгустившиеся над ней тучи рассеялись и небо стало светлым и безоблачным... Но, как и многие люди, призывающие Господа во время беды, она оставила свою веру и стала жить, как прежде...

Тогда же мое юное и уставшее от семейных проблем сердце толком не знало, как ухватиться за веру и следовать за Спасителем. Шагая по жизни в абсолютной неизвестности, я цеплялась за любую возможность получить защиту и почувствовать себя в безопасности. И хоть на какое-то время мне показалось, что Ромка был мне другом, все это улетучилось после нашего с ним разговора, о котором я хотела рассказать бабушке:

– Он сам всегда обо всем расспрашивал. Я рассказывала, он кивал, слушал, говорил утешающие слова о том, что все будет хорошо: и у мамы, и в школе, – а вчера, когда я случайно в разговоре упомянула о том, что мы уже обсуждали, он сказал, что совсем ничего не помнит... Знаешь, почему? Сказал, что не особо слушал меня тогда, что все эти проблемы мамы, моей учебы и так далее его не слишком волновали. Он просто не был уверен, будем ли мы встречаться или нет, поэтому не хотел во все вникать... Представляешь? А я думала, что ему можно доверять, что он стал мне почти другом! Я думала, он искренне заботится обо мне, все чувствует, понимает. А теперь просто не могу с ним ни о чем говорить. Умом понимаю, что он и не виноват, вроде бы, но такое чувство, будто он меня предал... Ты же знаешь, как это все тяжело было для нас, ба?..

Бабушка молчала. Моя семья оказалась перед очень серьезным испытанием в дополнение к тому, что и так было в ней. По не зависящим от нас обстоятельствам, мы могли лишиться абсолютно всего: места жительства, работы, школы и даже... мамы... Роман обо всем этом знал.. все вокруг знали...

Мне никогда не было так больно и страшно, как в то время, возможно, до того дня, когда спустя семнадцать лет после того события я снова испытала этот ледянящий страх утраты и... мама ушла из жизни... Но тогда во мне была нестигаемая вера, основанная на Его любви ко мне, в то, что с мамой все будет хорошо, даже если нам и придется через многое пройти. И я продолжила беседу с бабулей.

– А на днях показал мне свой студенческий альбом... Ба, там такие фото – то он кого-то так обнимает, что просто неприятно смотреть... то на нем кто-то лежит, висит... В общем, разные фото... и мне они не понравились. Это что получается? Он меня здесь провожает-целует, а там с кем-то спит? Представляешь, если это так... Фу, как мерзко. Я не смогу полюбить такого человека и не хочу быть рядом с ним...

– А ты подожди, пока сможешь. И потом, это все твои мысли, ты же ничего не знаешь наверняка. Но он тебя любит, это же видно... Пройдет время, все изменится, ты изменишься. А хорошими парнями раскидываться нечего, – она погрозила в воздухе указательным пальцем и откусила кусок сахара, запивая несладким чаем.

Я недоумевала, как она меня не понимает. Ведь с ней мы всегда могли обсудить все вопросы, даже те, которые я боялась обсуждать с мамой.

– Мне кажется, это не правильно... Просто вот здесь, внутри, – я прижала руку к груди, – я ощущаю, что все это не правильно, что это не моя судьба... А ведь он все равно надеется на что-то... нехорошо вот так играть с чужим сердцем. А у меня ничего к нему нет. Раньше меня к нему влекло, мне было с ним интересно, я чувствовала себя в безопасности, даже думала, что влюбилась в него, а теперь... ничего нет. Пустота... И что мне с этим делать? Как ему все сказать?

– Он хороший парень, Лиза, оглянись вокруг, где ты еще такого найдешь? Цветами, подарками засыпает, кольца вон дарит, – она ткнула пальцем в мою руку, где должно было быть кольцо, но я все же его не носила, – любит, руки не распускает... Ну чего еще надо?

– Ба, я ему не верю, да и не люблю я его...

– Все это молодость, горячность. Со временем полюбишь. А хорошо вон, что твоя мать любила, и что? Промучилась всю жизнь... Надо, чтоб тебя любили, я это точно поняла. А сама полюбишь, когда тебя на руках носить будут, – она вздохнула и добавила: – На руках, а не на кулаках.

Все были на его стороне и не понимали моих сомнений. От этого внутри меня что-то еще больше сжималось и начинало протестовать. И все чаще я приходила к мысли, что нам нужно расстаться. Вот только отец почему-то относился к нему с холодком, и за это я была ему благодарна.

Не было такого «островка» в моей жизни, где бы Рома не поселился. И я начинала задыхаться. Всякий раз, как только я отваживалась поговорить с ним о наших отношениях, он опережал меня очередным прекрасным жестом или поступком, не давая возможности протестовать. Кроме того, постепенно улетучилось то состояние защищенности, которое я испытывала с ним ранее, и я понимала, что теперь мы говорили на разных языках. И моего он не знал, а его – я не принимала. С приближением пятницы мое настроение ухудшалось. В этот день всегда приезжал Роман. Он снова засыпал меня подарками, цветами и вниманием, но я все больше и больше ощущала себя словно в клетке.

Давление в тот период было просто отовсюду: школа, дом, одноклассники, а прежде всего, изнутри моего сердца, и оно оказывалось невыносимым. Я не знала, что делать. Рому я не любила. И логичнее всего было бы расстаться. Но всякий раз, когда я об этом думала, в голове словно проносились слова: мама... медаль... мечта... семья...

Это было выше моих сил. И я принесла в жертву голос своей совести.

Рома заехал как всегда вовремя. Услышав звонок в дверь, я быстро поцеловала маму, стараясь не замечать ее многозначительный взгляд, говоривший «не глупи». Как обычно в последнее время, Рома встретил меня крепкими объятиями и нежным поцелуем в щеку.

– Поехали, там все уже готово, нас только ждут, – он хитро подмигнул и, схватив меня за руку, быстро повел к машине. Ромка хорошо водил, поэтому его отец без проблем давал ему старый семейный «москвич» ярко-желтого цвета, напоминавший мне маленькую дыню.

Добравшись в назначенное место, я, к своему удивлению, обнаружила, что действительно все ждали только нас, а значит, это из-за меня затягивалось начало пикника. И я представила себе лица Карины и Светы, девушек Роминых друзей. Они и так смотрели на меня свысока, ведь они же были первокурсницы, а я еще провинциальная школьница.

– Всем привет, – крикнул Рома, только лишь отворив калитку.

– О-о-о, ну наконец-то, – воскликнул Иван, давний школьный друг Романа. – Привез свою принцессу? Мы уже заждались. – Он подошел ко мне и наклонился, чтобы поцеловать мою руку.

– Привет... Ваня, ну что ты придумал... – меня всегда смущало его отношение ко мне. Я не могла понять: он всерьез или издевается.

– Нет, позволь, – он все же взял руку, – ты озаряешь лицо моего друга, значит, и мое тоже. – Кроме того, как говорит мой друг, таких, как ты, не бывает, значит, я могу поцеловать руку девушке, которую уважаю.

– Да брось... – я была смущена, а Рома просиял. Иван невольно выдал, что они обо мне говорят, хотя я об этом и так догадывалась. Но, похоже, что все было так и задумано. Мне стало казаться, что я попала в мышеловку, которая вот-вот может за мной захлопнуться.

– Прошу всех к столу! – Иван торжественным жестом указал на беседку, увитую виноградом. Оттуда уже доносился аромат шашлыков. – Девчата, накладываем. Серега, открывай бутылки.

Шашлык получился вкусный. Вино лилось рекой, поэтому настроение у всех было особенно приподнятым. Ребята знали, что я не пью спиртного, и после нескольких неудачных попыток меня оставили в покое.

Иван весь вечер сыпал шутками – тут он был мастер. Однако большинство из них были мне чужды. Я думала, что не смогла бы слушать подобное в присутствии Иисуса, а значит, не стоило этого делать. Мне становилось одиноко и скучно в этой дружной и шумной компании.

– Я вам говорил, что сегодня у нас обширная программа, – торжественно произнес Иван, – Играем в карты на раздевание. До последней сережки, девчата, так что не уваливаем.

– Вы, леди, хорошо играете в карты? – он обратился ко мне наигранным томным голосом. – Здесь умение не помешает.

– Я вообще не люблю такие игры, Ваня.

– Нет, отказов не принимаем, играют все! – категорично заявил он.

– Ну, хорошо, только раздеваться я, в любом случае, не стану.

Я начинала задыхаться, осознавая, что ждет меня впереди. Взглянув на Романа, я увидела дикий блеск в его глазах и почему-то испугалась.

Несмотря ни на что, в тот вечер в картах мне везло. Света проиграла и теперь, похоже, собиралась «расплачивалась» с Денисом в комнате дачного домика. Иван потерял в ходе игры пока только кепку. Карина уже снимала сережки, поскольку на ней осталось только нижнее белье. Ромка сидел в одних трусах, задрав ноги на лавку и повернувшись всем телом в мою сторону. Меня мутило от дикого блеска в его глазах, вызывающей позы и громкого, неестественного смеха. Чего он хотел всем этим добиться? Выбросив последнюю карту на кон, я облегченно вздохнула и незаметно для всех вышмыгнула из беседки к клумбам, где цвели пионы.

Май... Как же мне нравился аромат этих цветов, пьянящий и дурманящий, сладкий и нежный. Я посмотрела на небо, на котором уже появились первые маленькие звездочки, хотя еще не было темно. И опять начала мечтать...

Перед моим взором снова возникла эта улыбающаяся семья, мчащаяся по «американским горкам». Все они, казалось, были счастливы. У них было то, чего не было у меня: простой, искренней радости, льющейся из самой глубины сердца...

– Что ты здесь рассматриваешь, малыш? – позади себя я услышала негромкий голос Романа. К моему удивлению, он успел одеться. Значит, игра окончена. Но спросить об этом я не решилась и ответила просто, не отводя взгляда от звездного неба, немного огорчившись, что он прервал мои мысли.

– Я мечтаю... – спокойно ответила я.

– О чем? – он подошел сзади и обнял меня за талию. Я осторожно отстранилась и потянулась к цветку, чтобы его сорвать. Краем глаза я увидела, как он недовольно скривился, а затем скрестил руки на груди.

– О чем? Не знаю... вернее, не знаю, как это описать... – Почему-то мне захотелось, чтобы хоть на какое-то мгновение он стал тем, каким я воспринимала его в начале наших отношений. И я постаралась выкинуть из головы все, что произошло за последний час в беседке. – Не помню, говорила тебе или нет, но однажды, когда мне было лет десять, я увидела свою мечту, когда учила урок музыки, представляешь?...

Он непонимающе поднял брови и, похоже, искренне старался вникнуть в то, о чем я говорила. Я продолжила:

– Дома я была одна со включенным телевизором: все-таки не так страшно. Играя, я периодически оборачивалась посмотреть, что показывали по телевизору. В какой-то момент я услышала смех. Он был особенный, понимаешь, Рома? Я никогда такого не слышала ни до того, ни после. Такой заразительный, такой естественный... Я повернулась и посмотрела на экран... Семейная пара с детьми... их было, кажется, трое... Катались на «американских горках»... Они были счастливы, Ром, счастливы вместе, слышишь? Я видела это, я ощутила каждой кле-

точкой своего тела, что они были настолько радостны и счастливы... Ну, в общем, это невозможно описать словами, но я это вижу даже сейчас... В тот момент я поняла, что мне хочется быть такой же счастливой, как они. Я хочу быть частью этой семьи... И все чаще вспоминая об этом, я начинаю думать, что именно там я смогу обрести такую радость... А может быть, и создать семью... такую, как у них, такую, о которой мечтаю.

– Где, на горках? – рассмеялся он.

– Да нет же. Я говорю об Америке, – мне показалось, что он совсем меня не понимает.

– А-а-а... И когда едешь? – Ромка начал подтрунивать.

– Зря я тебе сказала, ты совсем меня не понимаешь, – мне вдруг стало так больно, что я готова была расплакаться. – Я каждый день туда «еду», понял? Все, что я делаю, – ради этого. Думаешь, много радости проводить ночи напролет в зубрежке? Я просто знаю, что мне нужно много и хорошо учиться... Не знаю как, но это приблизит меня к моей мечте, я чувствую это, я верю в это.

– А как же мама? Ты же ее так любишь... Оставишь тут ради своей мечты? – его голос и манера говорить уже были невыносимы.

– Мама и есть моя мечта! Все, что у меня есть, – благодаря ей. И она разделит со мной все лучшее, понимаешь?... Моя радость – это ее радость. Она всегда будет со мной...

Какое-то время мы оба молчали. Он стоял рядом, держа руки в карманах. Подул ветер, и мне стало холодно.

– Отвези меня домой, ладно? Что-то я устала...

– Поехали, – холодно сказал он, достал ключи и кармана джинсов и направился к машине.

– Как все прошло? А где Рома? – мама встретила меня прямо у двери. – Почему он не заходит? Вы что, поссорились?

– Мам, не надо сейчас, ладно?

От всего этого вечера я жутко устала. Мне было больно от его поведения за столом. Я даже и в мыслях не допускала, что он на такое способен. Плюс еще мое глупое откровение, которого он совсем не понял. И зачем я ему все рассказала?

– Кузь, что случилось, а? – Мама мягко провела рукой по моим волосам.

– Да ничего... Он привел меня к своим друзьям, где все были по парам, предложил сыграть в карты на раздевание, а потом сидел почти голый, в одних трусах, раскорячившись... Фу, даже говорить об этом противно. Возможно, вино ударило ему в голову, но под конец вечера я уже ощущала себя настолько грязной и... – Я перевела дыхание. – Мам, я больше не хочу его видеть, не хочу ничего, что с ним связано. Но я и бросить его сейчас не могу, понимаешь! Не прощу себе, если из-за этих дурацких отношений весь мой труд, надежды пойдут прахом.

– Послушай, ты должна идти за своим сердцем... То, что он нравится нам или кому-то еще – это одно. Выбирать тебе. И ты должна знать одно: каким бы прекрасным ни казался Роман, я все равно буду на твоей стороне. Всегда.

– Да, а мне казалось, ты на его стороне... – меня обрадовало то, что мама одним словом разрешила мои опасения на этот счет.

– Глупенькая, я просто хотела тебе добра, вот и советовала присмотреться к Ромке... Но если тебе так плохо с ним, брось все... Даже и медаль эта... Не стоит она слез моего солнышка. Ты и без нее всего достигнешь.

– А контракт? Мне же ваше предприятие не даст контракт на обучение без медали! Чем мы будем платить?... Нет, мама, я не могу так. Я с ним не останусь. Но медаль получу. И спасибо тебе за то, что ты сказала. Ты – мой самый лучший друг. А он – он все равно никогда бы не смог быть со мной... И рано или поздно нам пришлось бы порвать. Мой муж должен быть верующим человеком, и точка... А Ромке сама мысль об этом неприятна.

– Да никто тебя за него замуж и не выдает, – рассмеялась мама.

- Ладно, не хочу больше об этом. Вечер и так был кошмарный. Пойдем лучше пить чай.
- Хорошо, пойдем.

Чаепитие в компании мамы – это самая лучшая терапия. Отхлёбывая чай по глотку, мы шутили, смеялись, и нам было хорошо вдвоем. Мне хотелось, чтобы так продолжалось вечно, и я не представляла, что может быть по-другому.

Глава 4

До главного выпускного школьного экзамена оставались считанные часы. От усталости, недосыпания и волнений по поводу предстоящего сочинения к вечеру воскресенья у меня поднялась температура. Я надеялась, что к утру она спадет, но все оказалось намного хуже. В понедельник температура поднялась еще выше. Я вся горела. Голова разваливалась, тело ломило.

Надев белую шифоновую блузу, черную юбку и капроновые колготы, я ощутила ком в горле и начала задыхаться во всем этом одеянии. Но одеть что-то другое было просто непустимо. Требования к одежде на экзамене для медалистов были так же суровы, как и во всем остальном. Взглянув на меня, мама прижала руку к губам и покачала головой:

– Солнышко мое, как же могло такое произойти? – она была в отчаянии и переживала не меньше, чем я. – Ох, Господи... и надо ж такому случиться, а? На ровном месте температура и такая головная боль. Ты таблетку выпила?

– Да, мам, и не одну, но все напрасно.

– Ну, ничего, Господь тебя не оставит, напишешь хорошо, – она прижала меня к себе, и я услышала, как она тихо шепчет какую-то молитву.

– Только Он теперь мне может помочь, мама. Не передать словами, как сильно у меня болит голова. И особенно потому, что от сегодняшнего дня, от всех этих экзаменов зависит моя дальнейшая жизнь, университет, возможность вырваться из этого города и уехать туда, где исполнятся все мои мечты. И вот сегодня я могу все провалить. Я вообще не способна думать.

У меня навернулись слёзы, но, опережая новую волну головной боли, я взяла себя в руки:

– Мне пора, – поцеловав маму, я взяла сумку и направилась к выходу. Повернув замок входной двери, я обернулась и посмотрела на самого родного для меня человека. Она стояла, снова прижав ладонь ко рту, и, казалось, была блее снега. Мне хотелось хоть как-то успокоить маму, потому что видеть ее такой расстроенной и взволнованной было просто невыносимо:

– Знаешь, мам, я сделал все, что могла, и уверена, что хорошо подготовилась. А то, что сегодня случилось... значит, так нужно было. Возможно, сегодня мы станем свидетелями какого-то чуда...

Мама утвердительно закивала головой, но видно было, что она ни чуть не успокоилась.

– Не хотела говорить раньше времени, но скажу. Вчера вечером я поняла, что мое положение просто ужасно. Голова совершенно ничего не соображала, и я уже не могла написать что-то стоящее. Тогда я попросила Его о помощи, сверхпомощи на сегодня, о каком-то нереальном чуде. И ночью мне приснился сон... там много чего было, уже и не помню всего, но я отчетливо увидела одно, это наверное самое важное, – цифру «четыре». Огромную, красную. Не хочется думать, что это оценка. Утром я достала тематику сочинений и нашла то, которое записано под этим номером. Представляешь, это лучшее мое сочинение. Я знаю его практически наизусть, напишу, кажется, даже с закрытыми глазами. Так что, думаю, сегодня это будет именно это сочинение, и мне совершенно не о чем волноваться.

Глаза мамы просияли, и она поспешно прошептала:

– Дай-то Бог, дай-то Бог...

Поднимаясь в класс по лестнице, я видела, как плывут ступеньки перед глазами. Меня то и дело бросало в жар. Все, чего хотелось в тот миг, это снять с себя одежду, лечь в кровать и уснуть крепким, спокойным сном. Как мне захотелось, чтобы у меня была волшебная палочка или машина времени, чтобы взять и перелететь на шесть часов вперед, а может, вообще через все экзамены. Страх перед неизбежным сковал меня с неимоверной силой. При всем желании, этого момента было не избежать. Самое разумное – это сконцентрироваться на том, что происходит здесь и сейчас. Лишь одна мысль давала мне силы – все в Его руках. Набрав побольше воздуха в легкие, я вошла в класс и заняла свое место.

Выпускники, затаив дыхание, следили, как один из членов экзаменационной комиссии вскрывал конверт с четырьмя темами сочинений. Никто не мог знать заранее, что в нем. Он был опечатан и прислан в школу рано утром из областного отдела образования. Но мне казалось, что я все-таки имела некоторое представление о его содержимом. Я очень надеялась, что это так.

На доске появилась первая тема. Номер двадцать пять из общего списка. Это была одна из тех тем, которые я не успела раскрыть. По телу пробежала мелкая дрожь. Следующая тема, под номером четырнадцать, тоже попала в это злополучное число. Вдруг, несмотря на жар, мне стало холодно.

– Боже... – прошептала я одними губами.

Наконец я увидела на доске тему, которую я, в принципе, могла раскрыть. Но она казалась мне такой запутанной, что дочитывая ее до конца, я забывала начало. Это было сочинение по роману О. Гончара «Собор».

И все же это было не то, чего я ждала. В своем сердце я знала, просто знала, что этот сон был от Него. Вдруг меня осенило: а что, если номер четыре, который я видела во сне, это всего лишь мои мысли о том, какие же четыре темы выпадут на экзамене, или мысли о теме номер четыре, которую я знала лучше всего. В душе все похолодело. Из того, что я видела на доске, писать мне вообще было не о чем. Даже если каким-то чудом нашим учителям удастся выманить экзаменационную комиссию на обед и у нас будет время пролистать черновики. Но на это даже не стоило надеяться – лица у членов комиссии были неподкупные.

Поставив точку, экзаменатор отошел от доски и положил конверт на стол. Погруженная в свои мысли, я решила еще раз пробежаться глазами по темам, написанным на доске, в надежде найти хоть какую-то зацепку, вспомнить хоть что-то. Но голова болела так, что мне даже смотреть было больно.

Первая тема – ноль. Вторая – вообще не помню такого произведения. Третья – можно попробовать, но я никак не могу ее понять. Четвертая... – что это? Вот она! Четвертая тема была тем самым номером четыре, которого я ждала.

Это была очень красивая и патриотическая тема, основанная на творчестве современных поэтов. На эту тему я могла говорить и писать часами. В одно мгновение все стихотворения и образы всплыли в моем сознании и расположились друг за дружкой в логической цепочке. Мне оставалось лишь торопливо записывать мысли, переполнявшие мой разум.

Я закрыла глаза и мысленно поблагодарила Господа за милость и любовь ко мне, а затем, вооружившись ручкой и листком черновика, начала писать. Сочинение шло как по маслу, будто кто-то писал его за меня. Головная боль прошла, температура спала. Поставив последнюю точку в сочинении, я закрыла черновик и посмотрела на класс. Вокруг царил суев. Как оказалось, экзаменационная комиссия уже давно обедала, а значит, все полным ходом скатывали со своих домашних черновиков, конспектов и учебников все, что могли. Я посмотрела на Дашу, другую медалистку в нашем классе. Она сидела сложа руки.

– Ты уже все? – тихо спросила ее. «Молодец, так быстро!» – подумала я.

Она кивнула головой вперед, туда, где два часа назад сидели члены комиссии. Там, обложившись разными записями, сейчас была ее мать, наш учитель по языку, Алевтина Григорьевна. Я непонимающе пожала плечами.

– Жду, пока допишет... – пояснила Даша, цинично улыбнувшись краем губ.

Ее мать заметила, что мы разговаривали:

– Лиза, ты уже окончила работу? – обратилась она ко мне.

– Да, Алевтина Григорьевна, – ответила я.

– У тебя есть с собой твоё сочинение по О. Гончару?

– Конечно... – ответила я, силясь понять, зачем оно ей.

– Дай Дусе, у нас тут ничего не клеится. А у тебя, помнится, там были интересные мысли.

Покорно достав из сумки тетрадь с сочинениями, я передала их Даше. Её мать, забыв о том, что она еще и учитель, в тот момент стремилась помочь своей дочери. Но что мне было до этого? Ведь мне помогал мой Отец...

– Ты устала сегодня, Кузь? Как себя чувствуешь? – мама провела рукой по моим волосам и поцеловала в щеку.

Поджав ноги, я сидела с чашкой чая на диванчике в столовой, не думая ни о чем. За окном уже было темным-темно. И я с трудом представляла, который сейчас час. Не помню, чтобы я когда-то чувствовала себя так легко и счастливо, будто вся тяжесть мира упала с моих плеч. А вместе с ней девять лет давления и страха перед учителем языка, от которого так или иначе я испытывала унижение.

– Да есть немного... но хорошо, что уже все позади, – я улыбнулась маме, глядя в ее серо-голубые глаза. Они были полными света и тепла. – Устала ждать в коридоре... ну, после экзамена. Нам с Дашей сказали остаться, вдруг что-то нужно подправить, какую-то там запятую, если понадобится. Но, слава Богу, не пришлось. А два с половиной часа просидели... Когда пришла домой, сразу уснула. Не помню, сколько проспала... – Я тяжело вздохнула, давая понять, что уже не хочу говорить об этом и подвинула чашку к маме: – Хочешь чаю, мам?

Но мама смотрела на меня взволнованно, ее интересовало все, что происходило сегодня, до мельчайших деталей, и я продолжила:

– Остается только узнать результат завтра, но меня уже это мало волнует. Уверена, что все в порядке. Сочинение получилось просто великолепное, мам, необыкновенное... Такого я никогда раньше не писала... Не уверена, что и сегодня это была я... – Пожав плечами, я опустила взгляд, разглядывая чашку в моих руках, а потом посмотрела маме в глаза и сказала: – Это действительно было чудо, мам, мое чудо... от Него.

– Это было больше, чем чудо, Кузь. И его увидела не только ты.

– Ты о чем? – не понимала я, куда она клонит.

– Я только что от Алевтины... Ну, она пригласила меня поговорить по поводу экзамена. Даже не представляя, о чем, собственно, может пойти речь, я, конечно же, согласилась. Она была очень радушна и гостеприимна, даже угостила вином по такому случаю, чем привела меня в легкое замешательство. Так вот, выпив бокал вина, она сказала, Кузь, что твоё сочинение необыкновенно красивое, богатое и полное. Оно словно лилось строка за строкой, подобно песне, и исходило из сердца. Дашино же, по ее словам, получилось сухим и скомканным... Это ее слова. Вот так-то.

У меня к горлу подступил ком, а на глаза навернулись слезы. Но я молчала.

– А Андрей Владимирович, твой учитель английского, позвонил мне буквально полчаса назад и сказал... у него в этой областной комиссии, куда сочинения ваши отправляют, есть знакомые... В общем, опуская детали, он сказал, что твоё сочинение признали лучшим в области, Лиза, представляешь? Лучшим!

Она подняла руки вверх, а потом быстро подошла ко мне и обняла мою голову. Я стояла как вкопанная, не в силах произнести ни слова. Слезы покатились из глаз.

– У него спросили, знает ли он такую Степнову из А***, он ответил, что, разумеется, знает, поскольку работает в нашей школе и лично с тобой занимается. В общем, выразили свое восхищение такой высокой подготовкой будущей медалистки...

– Боже, это все Ты... – закрыв лицо руками, я заплакала от усталости и радости. Мама тихо гладила меня по волосам, даже не пытаясь успокоить, понимая мои слезы и мое счастье.

Математику я сдала тоже на «отлично». Задачи были из тех, что мы решали в классе, поэтому мне не составило труда решить их еще раз. Кроме того, после украинского я чувствовала себя просто превосходно.

На истории я вытащила не тот билет, который хотела, но последовала мудрому совету нашего учителя истории и начала свой ответ с того исторического момента, который был наиболее близок к нужному и о котором я с легкостью могла рассказать. В надежде, что, когда дойду до темы билета, члены комиссии скажут «довольно». Так и произошло. Причем ответ на первый вопрос удовлетворил их настолько, что второй они слушали частично, а третий вообще отменили.

Вытянув первый билет на экзамене по английскому, я рассмешила и себя, и экзаменаторов. «О себе», а именно такой была моя тема, рассказывать не пришлось. По их мнению, это было слишком легко для меня. Поэтому я с радостью рассказала об Англии и тоже получила «отлично».

Последнее судебное заседание мамы пришлось как раз на время моих экзаменов, что стало дополнительной причиной для волнений, а после – особой радостью. С мамы были сняты все обвинения, и теперь она была совершенно свободна.

Подойдя к последнему экзамену по русской литературе, я была уверена, что медаль уже моя. Так оно и произошло.

И когда в торжественном зале для награждений я держала в руках свою маленькую желтую медаль, я плакала и думала лишь о том, как хорошо, что в моей жизни есть мама, бесконечно любящая и верящая в меня все эти годы; моя мечта, ради которой я прошла этот путь; и Он, дающий мне намного больше, чем я заслуживала, так сильно любящий меня и слушающий все желания моего сердца.

Мне казалось, что самое сложное было позади. Впереди ждал выпускной бал, вступительные экзамены в университет и абсолютно новая и невообразимо прекрасная жизнь, с каждым шагом приближавшая меня к заветной мечте.

В очередной раз примеряя дома выпускной наряд нежно персикового цвета, я поняла, что выгляжу в нем просто прекрасно. О таком платье я молилась почти целый год. На выпускном балу мне хотелось быть похожей на принцессу из волшебной сказки. И именно так я себя тогда и ощущала.

– Вау, вот это да! Супер!.. Я даже не ожидал... Ты похожа на принцессу, из какой-то цветочной сказочной страны. Лиза, ты просто красавица!

Мой давний школьный приятель и одноклассник, Саша Одинцов, который предложил вместе с ним пойти на выпускной бал, снова и снова поворачивал меня то влево, то вправо, пока у меня не закружилась голова. С Сашкой мы дружили еще в детском саду, жили какое-то время в одном дворе. Несмотря на их переезд в другой район города и учебу в разных классах, несколько отдалившись, мы все же сохранили очень теплые, почти родственные отношения. Сашка был для меня как брат. И сейчас он, похоже, не мог на меня налюбоваться. Мне было немного неловко, но все же очень приятно. Его неподдельное восхищение придавало уверенности и бодрости духа.

– Спасибо, спасибо, – затараторила я, смеясь и кружась. – Ты тоже превосходно выглядишь... такой элегантный. Сегодня все девчонки из твоего класса будут кружить вокруг тебя!

На Сашке был черный, почти смоляной костюм, эффектно подчеркивающий его темно-каштановые волосы, тщательно уложенные гелем. Ворот белой атласной рубашки был расшит шелковой нитью. Я привыкла видеть его в джинсах и свитере или же майке, открывающей мускулистые плечи. Но в этом костюме он был просто превосходен. Я виновато опустила взгляд, чтобы он не заметил, как детально я его рассматривала, и поспешно добавила:

– Ну пойдем уже, пора ведь. Парад выпускников вот-вот начнется, нужно еще успеть дойти до школы. Быстро идти не смогу, – я приподняла полы платья, как это делают принцессы в мультфильмах, обнажая немного больше, чем носочки туфель.

– Видал?.. – шутя спросила я.

– Туфли?

– Да нет же, это я так, как принцессы в сказочной стране делают, – рассмеялась я, – каблук высокий!

– А-а-а... Буду тебя поддерживать! – торжественно пообещал он и взял меня под локоть. Закрывая дверь, я вдруг ощутила, как дрожат мои колени. Платье казалось невероятно длинным. С каждой ступенькой я опасалась оступиться и запутаться в его атласных фалдах и сломать тонкий каблук туфель. И я мысленно похвалила себя за то, что приняла приглашение Саши встретить меня дома, а не на школьном дворе, как это делали многие девочки. Саша держал меня под руку и помог спуститься по лестнице. Несмотря на высокий каблук, он был выше меня практически на голову. И я действительно стала ощущать себя принцессой из цветочной сказочной страны рядом с героем или принцем.

Всю дорогу до школы мы ловили на себе восторженные взгляды и слышали возгласы знакомых, друзей, соседей. И меня начинало колотить еще сильнее.

– Лиза, прекрати трястись, – тихо шепнул он мне на ухо. – Ты дрожишь как осиновый лист.

– Ладно, тогда разговаривай со мной, чтобы я забыла, что все на нас смотрят... Мне действительно хорошо в этом платье? Наверное, стоило купить что-то не такое длинное, да?

– Лиза, ты выглядишь просто фантастически, понимаешь, – он остановился и заглянул мне в глаза. Спокойно, твердо и уверенно...

Откуда у него такой взгляд? Он что, и так умеет? Никогда не видела, чтобы он так смотрел.

Я улынулась и поверила, затем вдохнула побольше воздуха и постаралась настроиться на великолепное торжество, частью которого я сегодня являлась...

Этот день всегда был огромным событием не только в жизни выпускников, но и традиционным праздником для всех жителей нашего маленького городка. Сначала старшеклассники выстраивались во дворе школы, изучая наряды друг друга, обсуждая, смакуя, сплетничая и получая от этого невероятное удовольствие. Затем выпускники ровными колоннами обрисовывали почетный круг по главной дороге в городе. Все вокруг замирало, даже движение. В Рио-де-Жанейро ежегодно проходит роскошный карнавал, а в нашем городке А*** уже десятилетия шествуют по улицам города выпускники, и для кого-то это – своеобразное «Рио». Каждая девушка мечтала стать самой красивой на предстоящем параде. Не скрою, я тоже этого очень хотела.

С трудом пробравшись сквозь толпу гостей, родственников и просто зевак, мы с Сашей оказались на школьном дворе. Казалось, весь город собрался там. Они выстроились так, что образовался полукруг, и лишь часть двора оставалась свободной для построения выпускников в колонны. Сейчас все выпускники находились в здании школы, фотографируясь, обмениваясь комплиментами и оценивая наряды. Мы тоже проследовали туда. Вдруг я увидела, как с противоположной от нас стороны уверенным и размашистым шагом шел Ромка. У меня внутри все похолодело. Я не знала, чего еще ожидать от него. Несколько часов назад, когда мне вручали медаль, он возник из ниоткуда, поднялся на сцену с огромным букетом роз и при всех меня поцеловал. И теперь, вне всяких сомнений, мы станем центром всеобщего внимания. Вернее, он и то, что он собирался сделать. Сашка прошептал мне на ухо:

– Слушай, Лиз, я подожду тебя в холле, ладно? Не задерживайся тут, о'кей?

Я знала, что Саше никогда не нравился Рома. Видно было, что он его раздражал. Бросив на ходу сухое «привет», Саша удалился, как только Рома приблизился ко мне.

– Ты выглядишь превосходно! – Ромка наклонился и на всеобщем обозрении поцеловал меня, как мне показалось, слишком долго. Я не стала устраивать из этого скандал перед лицом такой громадной публики, но внутри у меня уже все закипало. Что он себе позволяет? Потом, взяв меня за руки, он стал тщательно рассматривать меня с головы до пят...

...Волосы, украшенные шапочкой персикового цвета, отливали золотом на солнце. Плечи были слегка оголены. Атласное платье, стянутое в корсете и задрапированное на груди, волнами струилось книзу, открывая лишь кончики туфель. Талию украшали нежные розочки. Коротенькие перчатки, украшенные жемчужинами, дополняли мой образ...

Мне показалось, это длилось вечно...

– Да, ты прекрасна, действительно прекрасна, – сказал он, закончив изучать мой наряд, а потом тихо проговорил, все сильнее сжимая мою руку: – Я не могу отпустить такую красоту, Лиза, и не отпущу. – Его взгляд стал пугающим, и я почувствовала, что задыхаюсь.

О, Господи, только не здесь и не сейчас. Столько людей... Я попыталась освободить руку, но он не дал мне этого сделать.

– Может, с кем-то другим пойдешь? Почему именно с ним?

У Ромки не было повода для ревности. Мы с Сашей дружили еще с детского сада и знали друг друга, казалось, целую вечность. Весной, когда началась репетиция вальса, мы решили танцевать вместе. И хорошо, и весело проводили время во время танцев, но не более. Однако Рома этого не понимал.

– Сегодня я буду идти в паре с Сашей, это уже решено, и на вечере буду с ним, как и обещала. Ты знал об этом с самого начала, не вижу повода для... – я заметила, что выпускники стали постепенно выходить из школы и парами формировали колонну. Саша стоял на пороге, скрестив руки на груди, и с укором смотрел в нашу сторону. – Ром, мне пора, увидимся позже... Хорошо?

– Да, конечно, только позволь, я пару снимков с тобой сделаю.

Передав кому-то камеру, он обнял меня за талию и сильно прижал к себе. Я снова ощутила себя не принцессой из сказки, а куклой, которой манипулируют. Мне казалось, все вокруг знали о том, что я думала, и посмеивались надо мной.

Когда я подошла к Саше, колонны уже были практически сформированы. Поэтому мы оказались предпоследней парой. То, что нам предстояло плестись в конце колонны, растроило меня окончательно. И все из-за Ромки! Но уже ничего нельзя было изменить.

Сашка нежно, как старший брат, взял меня за руку и, наклонившись, заглянул в лицо, словно говоря «все будет хорошо, успокойся». И я успокоилась.

Колонна двигалась быстро. Нас много фотографировали, отовсюду слышались возгласы, комплименты нарядам девушек, нам бросали цветы. Это действительно был праздник. И я наслаждалась им от всей души, позабыв обо всем. Это мой праздник, который я по праву заслужила.

Выпускной бал длился до самого утра. Танцы, конкурсы, веселье... Мы не успевали и присесть, чтобы подкрепиться. Хотя некоторые, не знаю где и как, успели напиться и еле волочили ноги. И как им это удалось? Везде были родители, выполнявшие роль хранителей порядка как раз на такой случай. Но все же факт был на лицо. Многие ворковали парочками по углам, остальные вовсю наслаждались прекрасной музыкой и танцами. И мы с Сашей не были исключением. Танцевал он прекрасно, и это мне в нем очень нравилось.

Заиграли вальс, выпускники, кто вальсировал на линейке, по привычке выстроились для танца. Взяв меня за руку, Саша повел, и мы закружились под звуки чарующей музыки. Сдержанная строгость черных костюмов ребят сливалась в одно целое с прекрасными, длинными нарядами девушек. Наш танец был похож на один из тех, что так часто показывали по телевизору. А мне всегда хотелось хоть разок очутиться на месте танцоров, которых я видела на экране. Похоже, в тот вечер моя мечта сбылась. Я улыбнулась, подумав о том, как много моих желаний осуществилось за последнее время. Да, прекрасное будущее распахивало предо мной свои объятия. И не за горами был тот день, когда самые заветные мечты станут явью.

Уже под утро, когда все немного уставшие брели встречать рассвет, я все думала о том, как и когда Господь сможет исполнить мою мечту. В моей голове всплывали десятки различных

вариантов, которые казались мне наиболее реальными. И мне хотелось как бы подсказать Ему, что сделать, чтобы ускорить этот процесс.

Один из вариантов был напрямую связан с поступлением в университет, где в один прекрасный день я получаю направление на стажировку за границу или еду по программе обмена. На дне открытых дверей в университете, который мы посетили с мамой месяц назад, нас заверили, что эта практика уже достаточно развита. Кроме того, специальность, которую я выбрала – международные отношения – даст мне возможность укрепить и расширить мою языковую практику и, конечно же, обеспечит путевку в англоязычный мир. Осталось совсем немного – поступить в университет... Внутренний голос мне подсказывал, что с поступлением я обязательно справлюсь. При этой мысли я снова вспомнила ту счастливую семью на «американских горках».

Второй вариант был рассчитан на перспективу и получение работы в компании, которая ведет бизнес здесь и зарубежом. Главное – зарекомендовать себя отличным специалистом, а дальше все само собой.

Еще можно было удачно выйти замуж за иностранца, но этот вариант я сразу отмела. Очевидные глупости... Некоторые девчонки заполняли специальные анкеты для знакомства с иностранцами и ждали своего «принца». Не припомню даже, чтобы кто-то таки дождался. Это не мой путь, в этом я была абсолютно уверена.

Попытки мысленно «подсказать» Богу, как лучше продумать мое будущее, были прерваны, когда подбежал Саша и легонько обнял меня за плечи.

– Лизка! Вот это выпускной! Ты самая красивая, я точно говорю. Самая красивая из всех!

Я засмеялась от всего сердца, наверное, потому, что он сказал то, что мне хотелось услышать, и быстро добавила:

– И самая счастливая, Саш, я такая счастливая! Да, я запомню этот бал навсегда, особенно теперь, когда ты снова назвал меня принцессой. Спасибо тебе, Саша... Спасибо, что ты был рядом сегодня, спасибо за твою нежную дружбу все эти годы. А так же за то... что ты никогда не просил у меня списывать, – я хитро подмигнула ему, и мы вместе рассмеялись.

– Кроме английского в прошлом году, помнишь, но тогда кроме тебя никто не сделал домашку.

– А, ну да, но это прощается, тем более, что я сама тебе предложила.

– Лиза, – его голос вдруг стал серьезнее, и улыбка сошла с лица. – Все хотел тебя спросить...

– Да?

– У тебя есть мечта?..

От неожиданности я аж раскрыла рот. Тем более, что еще несколько минут назад я мечтала об этом самом будущем.

– Да, конечно есть! – выпалила я, и сразу добавила: – А у тебя? – мне действительно было интересно, о чем мечтает Саша.

– Ну, конечно, – немного замялся он, а потом быстро продолжил: – Хочу выбиться в люди, сделать что-то стоящее в жизни, семью хорошую хочу, конечно... Но больше всего хочу уехать отсюда.

Говоря последнюю фразу, он посмотрел куда-то вдаль. Уже поднималось солнце. Красно-оранжевое зарево расплывалось на горизонте. И все выпускники радостно закричали, радуясь приходу нового дня. А мы продолжали свой разговор:

– ...В этом мы с тобой похожи, Саш. Совсем не люблю наш город, его устои... одним словом, болото... Я тоже хочу отсюда уехать и как можно дальше, и самое главное: никогда не возвращаться. Сделаю все, чтобы так и было...

Я посмотрела на восходящее солнце. Оно поднималось все выше и выше, и его лучи расплывались по небу.

– Ну а чего ты на самом деле хочешь... больше всего? – Он задумчиво посмотрел на горизонт. Его голос снова стал спокойным, теплым и родным. Наверное, от того, что мы стояли и думали об одном и том же – о прекрасном и светлом будущем, которое раскрывается перед всеми мечтателями наших лет.

– Многого хочу... Хочу поехать в Америку... Там что-то меня ждет, что-то чудесное, я знаю, я это чувствую... Возможно, именно там я смогу создать семью, о которой всегда мечтала... Хочу крепкую семью, в которой все любили бы друг друга, любили Бога... верили, прощали... Пятерых детей хочу, кстати, – я виновато улыбнулась, представляя, как, должно быть, наивно и глупо выглядела моя мечта в глазах Саши.

– Пятеро? Ну ты даешь! Зачем так много-то?

– Ну не знаю, просто так хотелось всегда, я ведь одна у родителей... Хочется, чтобы в доме было много смеха и радости, чтобы дружные были...

Мы помолчали какое-то время. Он смотрел на меня, будто видел впервые, а я с любопытством рассматривала его. Темные коротко стриженные волосы, глубокие, порой казавшиеся огромными, карие, почти черные глаза, скулистое лицо, алые, но всегда сухие и потрескавшиеся губы... Мне казалось, что он за эту ночь повзрослел. Хотя я и не находила этому определение, но что-то в нем точно изменилось.

– Мечтала учиться в столице... – словно в продолжение нашего разговора, сказала я, все так же разглядывая его лицо, – ... Ну вот, как и у тебя, пока не сложилось, очень это дорого оказалось. Возможно, смогу оформить перевод после поступления в университет... Я узнавала, такая возможность есть. А еще... – я задумалась и перевела взгляд на сверстников, постепенно удалявшихся от нас. Они поднимались все выше и выше в гору, навстречу восходящему солнцу. – ...Еще хочу найти церковь... знаешь, такую... истинную, самую правильную... Говорят, это глупая мечта, потому что такой церкви не бывает, но я верю, что она есть или должна быть... Наверное, хочу, чтобы она была... И буду искать, пока не найду... Да... много еще всяких разных желаний, но основные, которыми живет мое сердце, вот эти: церковь, семья и Америка. Иногда мне кажется, как только я найду что-то одно, все остальные найдут меня сами, – пожав плечами, я виновато улыбнулась.

– Лизка, какая ты необыкновенная, глубокая личность... Я всегда знал, что ты особенная, но ты еще выше этого. Девчонки в твоем возрасте мечтают о крутых парнях, красивой жизни... я не знаю, деньгах, удачном замужестве, а ты... найти церковь... Ты молодец...

Он взял меня за руки и, наклонив голову, посмотрел на меня. Его большие темно-карие глаза излучали тепло и заботу:

– Пообещай мне вот что: ты выберешься отсюда, чего бы тебе это ни стоило. И я сделаю то же самое. И как только кто-то из нас выберется первым в столицу или Америку, он поможет и другому, идет?

– Ладно...

– Я серьезно, Лиза.

– И я... Обещаю, давай сделаем так.

Мы пожали друг другу руки в знак скрепления нашего договора и, смеясь, побежали догонять остальных, чьи силуэты виднелись уже почти на горизонте.

Мы оба поверили в это обещание со всей искренностью и горячностью, присущей мечтательной юности. Но ни ему, ни мне тогда не было ведомо, что не всем обещаниям, данным в нашем возрасте, суждено сбыться. Имея очень сильное желание выбраться из нашего А..., Сашка действительно этого достиг. Через несколько лет он все же попал в столицу, создал там семью, нашел хорошую работу и был, по словам его родственников, достаточно успешен и счастлив. Я же осталась в городе, куда привела меня моя судьба, но об этом чуть позже.

Глава 5

Через неделю я уехала поступать в университет. Как и другим медалистам, мне предстояло пройти собеседование по математике. Задачи попались не очень сложные, но ни одной по школьной программе. И я мысленно похвалила себя за то, что каждую субботу на протяжении последнего года ездила за сто километров от дома и брала дополнительные уроки углубленного изучения математики при университете. Там мы решали все типовые задачи из экзаменационной программы, которые сейчас мне и достались. В голове промелькнули подъемы в три утра и возвращение домой поздним вечером, пятикилометровый путь на железнодорожную станцию и обратно, холодные вагоны и шумная компания одноклассников, которые тоже хотели как можно лучше подготовиться к грядущему поступлению в ВУЗ... В сентябре нас было человек десять-двенадцать, весной осталось только трое, а в мае я уже ездила одна... Мне было одиноко, и я часто завадала себе вопрос: зачем я продолжаю? Разве мне нужно больше всех? Но мои мечты и вера в возможность их осуществления снова и снова поднимали меня с кровати в три утра в любую погоду и в любом настроении.

Закончив подготовку к ответу на экзаменационные вопросы, я окинула взглядом зал, где собралось около двадцати абитуриентов. С некоторыми из них мы успели познакомиться еще в коридоре. Конкурс был достаточно большой, и все знали, что пройти смогут только двенадцать. Мысленно я принялась изучать каждого из них, в надежде предугадать, кто же эти счастливчики.

Слева от меня сидел Денис, очень полный парень в дорогом сером костюме. Еще в коридоре я запомнила и его, и его маму. Очень красивая, ухоженная женщина, совершенно непохожая на наших. Она была в полном смысле слова «городская». Денис как раз отвечал на вопросы экзаменатора. И видно было, что он не знал ответа, хотя вопрос, насколько можно было слышать, был достаточно легкий.

«Возможно, его отсеют...» – подумала я.

Прямо передо мной сидела Валерия, рыжеволосая девушка с пышными локонами. У нее была широкая и открытая улыбка. С виду она казалась сильной девушкой, напористой и веселой.

Слева от себя я заметила краем глаза Наташу, приехавшую из Беларуси. Утонченная, грациозная девушка, она, по ее словам, совершенно не знала украинского языка, несмотря на то, что родители были родом из Украины. Экзаменатор направился прямо к ней, но, судя по ее лицу, она была готова.

Алиса, с виду деревенская девушка с длинными светлыми волосами, постоянно толкала меня карандашом в спину, задавая вопросы. Похоже, что у нее были трудности с билетом.

Пока я рассматривала присутствующих, экзаменатор закончил беседу с Валерией и уже направлялся ко мне. Сердце заколотилось с бешеной скоростью, и все мое спокойствие вмиг улетучилось. Пальцы на руках онемели, и я поняла, что не удержу даже ручку. Едва только я успела прошептать: «Иисус, помоги...», как невысокий, суховатый мужчина в очках с толстыми линзами сел рядом со мной.

Изучив ответ, он задал дополнительные вопросы, на один из которых я ответила неверно. Внутри у меня все похолодело, когда на своем листке рядом с моей фамилией он поставил два плюса и один минус... И я понимала, что могу оказаться в числе тех, кто не попадет в список поступивших. Закрыв глаза, я снова мысленно помолилась...

Как и все абитуриенты, мы с мамой ожидали результат в коридоре. От волнения каждое мгновение тянулось неимоверно долго. Мать Дениса временами тяжело, даже артистично, вздыхала и махала, словно веером, маленькой дамкой сумочкой, украшенной стразами и камнями.

Вдруг в коридоре показался тот самый сухонький мужчина в очках и сообщил нам результаты. Ко всеобщей радости и удивлению, зачислены были все, кроме пяти человек, в число которых входил и Денис. Их попросили проследовать в аудиторию для дальнейшего разговора. А мы, неимоверно счастливые, отправились на заселение в общежитие. В очередной раз я поблагодарила Бога за Его милость ко мне и за то, что Он открыл мне двери в новую жизнь, полную радости и чудес.

Вопросы с поступлением, заселением и подготовкой к новому учебному году были решены на удивление быстро. На душе было спокойно и хорошо. Впервые за долгое время я просыпалась с ощущением тихой радости и даже счастья. Я открывала настежь окно и вдыхала ароматный букет лета, слушала пение птиц, замечала людей, неспешно бредущих по аллее, и была бесконечно счастлива от того, что наконец-то за столько лет мне, похоже, никуда не нужно было спешить... Впереди был целый месяц летних каникул, и мне хотелось наслаждаться каждым его мгновением.

Проснувшись утром в воскресенье, я подумала о том, что настало время отблагодарить Бога за все чудеса, которыми Он милостиво одаривал меня в последние дни. Кроме того, я была безумно счастлива от всего происходящего в жизни, и хотела разделить эту радость с Ним. А еще мне очень хотелось провести этот день в атмосфере, где я смогла бы ощутить Его присутствие намного сильнее, стать ближе к Нему. Конечно же, мне хотелось побывать в церкви.

С раннего детства мы с мамой, как и все вокруг, посещали церковные службы в православной церкви. Однако взрослея, я не могла понять, почему те или иные люди, улыбаясь и являя абсолютную доброту в рамках церкви, могли совершать невообразимые поступки за ее пределами. Находясь на службе в маленькой ветхой церквушке нашего города, слушая невнятное чтение священника, который в будни часто выпивал с кем-нибудь из жителей нашего городка, даже с моим отцом, я не ощущала никакой близости к Богу, только гнетущее и довлеющее чувство безысходности.

И лишь спустя многие годы, встретив на своем пути прекрасных священников, здравомыслящих и искренне верящих в Слово Божье, я поняла, какое огромное влияние на пробуждение духа человека и его близость к Богу имеет человек, служащий в церкви. Тогда же мне оставалось только смотреть, как сторают в церкви свечи, купленные мамой, держать в руках корзину с пасхой и ждать, когда окончится пение батюшки.

И вот уже столько недель вместе с тетей и бабушкой я посещала воскресные собрания в баптистской церкви нашего городка. Но то ли от чрезмерной загруженности в школе, то ли от тоскливой обстановки в самой церкви, где присутствовали, в основном, одни бабули, да и тех было человек пятнадцать-двадцать, я не получала никакой радости и вдохновения от этих собраний. Разве только чувство успокоения, что сделала все, как надо – сходила в церковь в воскресенье. Но мне хотелось большего. А поскольку это был воскресный день, в голову не пришло ничего лучше, чем отправиться в город, расположенный в тридцати километрах от нас, где была великолепная баптистская церковь.

Новое здание, похожее на старинный собор, огромный зал, вмещающий до тысячи человек, молодежь, дети... очень много детей. Она давала мне ощущение чистоты и защищенности. Мудрые проповеди, искренние молитвы и прекрасное пение всегда возносили мой дух до небес, и я ощущала мир и покой, любовь и радость, которых так не хватало дома. Всякий раз, уезжая по окончании службы, я внутренне сожалела о том, что не могла бывать здесь чаще.

Добираться в Б... было очень неудобно. На поездку уходила большая часть дня. Родители не очень поддерживали меня в этом, но, как говорится, смотрели «сквозь пальцы». И это, пожалуй, было тем немногим, что хоть как-то их объединяло: и мама, и папа не хотели, чтобы я стала слишком религиозной, поэтому всячески пресекали мои попытки попасть в церковь.

Все же иногда я выбиралась туда вместе с тетей или бабушкой. И в тот день они тоже составили мне компанию.

Баптистская церковь мне очень нравилась. Но, как ни странно, я не хотела стать ее частью. Глядя на женщин церкви, я почему-то ощущала гнетущую боль и жалость в сердце. С однообразными старомодными прическами и белыми шарфиками на голове, невзрачные, в однотипной одежде, абсолютно без макияжа на лице, они выглядели очень грустными и уставшими. В то время как их мужья, тщательно выбритые, подтянутые, сияющие, одетые в красивые костюмы, были, похоже, всецело довольны жизнью. А женщины... да, они были уставшими. Множество детей, кроткая улыбка на лице и печальные бесцветные глаза. Все, что в них было, – это кротость, смирение и безграничная надежда на Бога. Мне становилось страшно, что со временем я могу стать такой же замученной и безликой, пусть даже при этом и очень духовной.

Собрание в церкви прошло великолепно. Пение было прекрасным. Один из новых регентов, закончивших обучение в духовной семинарии, аккомпанировал хору. Играл он просто виртуозно. Пресвитер сильно, впрочем, как и всегда, призывал к покаянию, и многие вняли его голосу.

К концу второго часа в проходе между рядами собралось множество людей, направлявшихся к кафедре, где проходил процесс покаяния. Три года назад я тоже там стояла. Внутри себя я ощутила тогда, что очень хотела стать ближе к Нему, стать более защищенной, поэтому сделала то, что казалось наиболее логичным и разумным для меня в то время. Потом я все чаще и чаще стала задумываться о крещении. Это был шаг доверия и всецелого посвящения своей жизни Тому, Кого любишь больше всего на свете. И меня это нисколько не пугало. Однако бабушка и тетя всякий раз отговаривали, а мама вообще выслушивала этот вопрос со страхом в глазах.

– Ба, через месяц в церкви баптистов будет крещение. Я слышала, что со следующей недели начинаются собеседования, – начала я разговор с бабушкой, выходя из церкви. – Может быть, мне тоже записаться, как думаешь? – Я посмотрела на нее и тетю и виновато улыбнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.